

ПОЛКОВНИК Ф.И. ЕЛИСЕЕВ.

"ОДИССЕЯ"

ПО КРАСНОЙ РОССИИ...

Брошюра № 10.

Прямое продолжение брошюр :

ЛАБИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ
ДНИ НА КУБАНИ.

1920-й год.

* * *

Нью Йорк - 1964 г.

* * *

ОДИССЕЯ ПО КРАСНОЙ РОССИИ. . .

как продолжение 8-ми брошюр:

"Лабинцы и последние дни на Кубани в 1920-м году" и
"Агония Кубанской армии", №9-й.

/брошюра №10/

О Г Л А В Л Е Н И Е:

1. Оглянемся назад. Как это было?
2. Первый день за проволокой в Екатеринодаре.
3. Генерал Уджуко Джанхотович Хоранов.
4. Генерал Николай Апполонович Морозов.
5. Наша бабушка . . .
6. Красный командир . . .
7. "Новости" из станицы . . .
8. Кубанский областной съезд советов. Комиссар Горин.
9. Тернии души . . .
10. Наш лагерь.
11. По дороге в "ЧЕКА" г. Екатеринодара.
12. Агитационного поезда.
13. В Ростовском лагере. Опрос . . .
14. Наш список.
15. Ростовский лагерь.
16. "Последнее пространство" . . .
17. Красный комендант г. Ростова. На Москву . . .
18. Картинки по дороге в Москву.
19. В Москве . . .
20. Члены союза трудового казачества . . .

- . -

Цена брошюры - 1 дол. Выписывать по адресу:

Mr. Th. Elyseev, 502 ½, 177 St., Apt. 1 C
New York 33, N.Y.

* * *

ОДИССЕЯ ПО КРАСНОЙ РОССИИ. . . .

/брошюра № 10/

ОГЛЯНЕСЯ НАЗАД - КАК ЭТО БЫЛО?

В коллективном труде книги "Трагедия Казачества", том 4-й, на стр 481, написано:

"Обстоятельства сложились так, что в самый решающий и поворотный в истории Казачества момент, во главе Кубанского Края и Армии стоял не казак генерал Букратов. Начальником штаба у него был не казак полковник Дрейлинг. Военным министром Кубани был не казак генерал Болховитинов. Командиром передовых войск, непосредственно соприкасающихся с большевистской дивизией, был не казак генерал Морозов. Видную роль в Армии продолжал играть не казак генерал Шифнер-Маркевич".

В "Кубанском Историческом и Литературном Сборнике" за май-июнь месяцы 1962-го года, № 16-й - об этом пишет и генерал В.Г.Науменко, бывший в те месяцы и дни командиром 2-го Кубанского конного корпуса.

Как же это могло случиться?... Оглянемся назад.

Кубанская Краевая Рада постановила - все строевые части Войска свести во-едино и образовать свою Кубанскую Армию. Кубанский Войсковой Атаман генерал Филимонов, как исполнительная власть, 1-го февраля 1919 года, издал соответствующий приказ по Войску № 172 /"Очерки Русской Смуты", том 4-й, стр.58 - генерал Деникин/.

По многим соображениям, главное политическим, Ставка Главнокомандующего Вооруженными Силами Юго-Востока России, не разделяла этого взгляда, как не разделяли, видимо, и многие генералы Кубанского Войска, о чем сам генерал Деникин пишет:

"Оптимизм Атамана /Филимонова/ не разделяла вовсе сама Армия в лице ее командного состава и офицерства. В один из последующих острых периодов домогательства Рады, генерал Науменко /тогда член Кубанского Правительства по военным делам, Ф.Е./ послал запрос четырнадцати старшим Кубанским начальникам о возможности выделения особой Кубанской Армии и от тринадцати из них получил ответ резко отрицательный. Мотивы были разнообразны: - организационные, стратегические, бедность Кубанских войск в командном составе и технике, наконец главный - опасение, что Армия окажется орудием в руках самостийников и крайних федералистов".

При этом, внизу, в примечании, генерал Деникин перечисляет генералов, кто дал отрицательный отзыв о формировании Кубанской Армии. Вот их список: - Врангель, Улагай, Покровский, Шуро, Топорков, Крыжановский, Бабиев и др. За выделение высказался один генерал Гейман" - заканчивает он на стр. 59 того-же 4-го тома.

Из 14-ти запрошеных, не названы фамилии остальных шести генералов. По событиям, мы знаем, что запрос был произведен летом 1919 года. К этому времени, на фронте, командовали Кубанскими корпусами, дивизиями и бригадами еще ~~один~~ генералы: - Шатилов, Репников, Говорущенко, Мамонов, Фостиков и Павличенко. Видимо эти, именно, генералы относились к числу "14-ти" запро-

шенных. Нужно полагать, что запрашивались лишь те генералы, которые командовали Кубанскими боевыми соединениями на фронте, но не те генералы, которые жили и служили в тылу, иль были без должностей.

Из этих 14-ти - генералы Врангель, Шатилов и Покровский не являлись Кубанскими казаками, следовательно, в естественном порядке своего мышления, они не могли сочувствовать постановлению Кубанской Рады.

Генерал Топорков был родом из казак Забайкальского Войска, из сверхсрочных подхорунжих Русско-Японской войны 1904-05 гг.

Все же генералы-кубанцы, за исключением генерала Геймана, и кажется Говорушенко и Репникова - в гражданскую войну вошли в чинах войсковых старшин и полковников, за боевые подвиги произведены в генералы властью генерала Деникина и от него же получили свои высокие назначения командиров бригад, начальников дивизий и командиров корпусов. При таком положении они были более послушны золе Главнокомандующего, чем своему Войсковому Атаману, иль решению, хотя бы постановлению ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ Краевой Рады.

Генерал-же Павличенко, урядник Конвоя Наместника ча Кавказе графа Воронцова-Дашнова мирного времени - в 1915 году стал прапорщиком, 1-ю Великую войну он окончил сотником, в Добровольческую Армию вошел летом 1918 г. и летом 1919 г. ровно через год, произведен был в генерал-майора. Все это я констатирую как неопровергимые факты, а отсюда легко вывести умонастроение перечисленных генералов.

Кубанская Армия не была установлена. Рознь между Ставкой Главнокомандующего с одной стороны, Краевой Радой, Кубанским правительством и Войсковым Атаманом с другой - разрасталась. Фронт покачнулся. Оставлены города - Орел, Воронеж, Курск, Киев. В первых числах ноября 1919 г., когда отступали все три Армии - Добровольческая, Донская и Кавказская - в Екатеринодаре произошло физическое насилие над Краевой Радой. Атаман Филимонов отказался булавой. Вместо него был избран генерал Успенский. Через месяц он умер. Все три Армии отошли на левый берег Дона, сдав и Ростов. Краевая Рада, ущемленная Ставкой Главнокомандующего генерала Деникина, на пост Войскового Атамана избрала генерального штаба, генерал-майора Букретова, родом не казака /о нем потом/, стоявшего в оппозиции Ставки. Несомненно, что этот выбор был сделан "в отщание" своим Кубанским генералам, не поддержавшим Раду в образовании Кубанской Армии.

И вот - когда была сдана вся территория красным по параллели Киев-Царицын, а по вертикали Орел-Ростов - генерал Деникин разрешил образование Кубанской Армии. И первым Командующим Кубанской Армии был назначен и тот же генерал-лейтенант Шкуро. Ровно через месяц, он был смешен и был назначен генерал-лейтенант Улагай, так же, генералом Деникиным. Такова ирония непоследовательности.

Оставлен был и Екатеринодар 4-го марта 1920 года. Командующий Кубанской Армией генерал Улагай, по оставлению Новороссии, эвакуировался в Крым. Три Кубанских корпуса отходили к Туапсе. Между Атаманом Букретовым и старшими генералами Кубани рознь разширялась. Вот почему он и назначил на все ответственные посты генералов не казаков. Все они были офицеры генерального штаба. О них, в "Казачьей Трагедии" на стр. 481, как аттестация, написано так:

"Эти лица были в свое время, и могли быть в будущем, хорошими командирами частей и начальниками штабов в Российской Армии, защищавшей русские интересы, но они не могли быть последовательными и вдохновенными выразителями казачьих чаяний и вождями Казачьих войск. Они не могли повести Казачью армию в наступление против Российской армии... К оценке про-

исходящих событий эти русские люди подходили, естественно, с русской, а не с казачьей точки зрения. Казачье дело они не могли отделить от русского дела"...

Кто же они, эти русские генералы, по прохождению своей военной и боевой службы?

1. Генерал Букретов. Офицер генерального штаба. Пехотный офицер, кажется Кавказский гренадер. На войну 1914 года выступил в качестве начальника штаба 2-й Кубанской пластунской бригады, которой командовал Кубанский казак, генерального штаба генерал-майор И. Е. Гулыга. О нем, генерал Масловский в своей книге "Мировая война на Кавказском фронте", на стр. 93, пишет:

"Возвращавшийся из отпуска, из Тифлиса, начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады полковник Букретов / в Сарыкамышской операции, ф. Е./ образовал из разных тыловых частей отряд, ядром которого послужил батальон 18 Туркестанского стрелкового полка - послан генералом Юденичем на подводах из Карагургана ночью 11 на 12-ое декабря 1914 г. Полковник Букретов с этим отрядом принял на себя задачу овладения и оборону Верхнего Сарыкамыша и Чемурдн-дага, а затем составил левый фланг войск, обороны Сарыкамыша." За эту операцию он был награжден Орденом Св. Георгия степени.

В конце 1917 года прибыл на Кубань во главе 2-й Кубанской пластунской бригады. В начале 1918 г. был назначен Командующим войсками Кубанских Войск, но не веря в успех борьбы против красных - отказался от должности и в 1-й Кубанский поход не выступил, как и не принял никакого участия в дальнейшей борьбе против них / "Первые бои на Кубани" - воспоминания Вл. Леоновича, бывшего нач. штаба отряда капитана Покровского, стр. 20, 21/.

2. Болховитинов - бывший генерал-квартирмейстер штаба Отдельной Кавказской Армии с начала войны 1914 г. Признан очень способным генералом.

3. Полковник Дрейлинг - бывший инспектор классов Кубанского Алексеевского военного училища в Екатеринодаре.

4. Генерал Морозов - преподаватель тактики этого училища.

5. Генерал Шифнер-Маркевич. Уроженец г. Владикавказа. Сын генерала артиллериста на Кавказе. В чине подполковника генерального штаба, генералом Деникиным был назначен нач. штаба Партизанской бригады к полковнику Шкуро, для прорыва из Ставрополя в Баталпашинский Отдел летом 1918 года. С тех пор - непосредственный соратник генерала Шкуро во всех его боевых действиях, и на Кавказе, и на Украине и по взятию Воронежа в 1919 году.

О действиях Кубанской казачьей дивизии генерала Шкуро по тылам красных в Донецком бассейне - генерал Деникин пишет:

"В этом и позднейших сражениях, надлежит отметить боевое сотрудничество с генералом Шкуро, и оперативное руководство корпусом, его доблестного начальника штаба генерала Шифнер-Маркевича"/ в примечании на стр 77, "Очерки Русской Смуты", том 5-й/.

Будучи командром 2-го Хоперского полка при нашем общем отступлении "От Воронежа и до Кубани" октябрь-декабрь 1919 г. и находясь в подчинении своему начальнику дивизии Генералу Шифнер-Маркевичу - должен засвидетельствовать не только что его боевую доблесть, но и личные человеческие качества, как очень доброго, корректного и умного человека, которого казаки обожали исключительно.

В средних числах марта 1920 года, когда три Кубанских конных корпуса и 4-й Донской конный подходили к единственной дороге Белореченск-Туапсе - вся Черноморская губерния на север до Геленджика, а на восток до станицы Хадыженской - была занята красно-зелеными. Впереди этих корпусов преграждал дорогу Гойтхский перевал. Связи с отступающими корпусами и с Новороссийском совершенно не было за отсутствием телеграфных линий этого района. И Шифнер-Маркевич, по личной инициативе, своим головным отрядом казаков разметал противника, занял перевал, потом Туапсе, двинулся на Сочи и занял этот город. И все это сделано незаметно, но для дела. Таков был Шифнер-Маркевич, маленький пухленький, всегда в серой простой черкеске и в "волчьей папахе" на голове.

Из этих строк видно, что все перечисленные генералы были, все же, связаны своею службою с Кубанским Войском. Букретов и Шифнер-Маркевич были приписаны в казаки.

И невольно возникает вопрос - чья же вина, что свои старшие Кубанские генералы, под разными предлогами, покинули свою Армию и выехали в Крым, а вся моральная ответственность за гибель Кубанской Армии, легла на этих генералов?

По событиям - перенесусь вперед: - в Костроме, в губернской тюрьме, куда нас поместили около 80-ти Кубанских штаб-офицеров летом 1920 года - на наш запрос и недоумение - "как все это случилось на Черноморском побережье?" - генерал Морозов спокойно рассказал, словно прочитал лекцию, что - "революция еще не окончена и процесс ей не только что продолжается, но и еще долго будет продолжаться... потому всем русским патриотам надо быть в России - быть, работать и вариться здесь, испытывая все то, что испытывает весь русский народ... понять народ и строить постепенно новую Россию... которая когда-то освободится от большевиков внутренними своими силами, но не интранцией... вот почему они и решили капитулировать Кубанскую Армию безболезненно... и что вести дальше казаков и офицеров не бесплодны убой, и ненужно и, даже, преступно... Крым должен все равно пасть"... трактовал он нам.

Он "брал" всю Россию, какова она есть, не имея любви к той маленькой отчизне, которую имели мы казаки.

Он нас, конечно, не утешил. Но с тех пор прошло ровно 44 года и... революция продолжается в России....

Надо сказать и о казачьей массе. Многие станицы приписали "в почетные казаки" некоторых русских генералов, но что бы станичный сбор внес "спасибо" своему казаку-офицеру - этого не было. В их понятиях - свои родные Кубанские офицеры должны молча воевать, калечиться и умирать, а вот посторонним генералам, чуть он польстит станице - сейчас же дается диплом "почетного казака".... звание которого никогда у казаков не было

Офицер-казак, к своему уму, он обязательно приложит и биение серца в Казачьих делах, тогда как посторонний семья казачьей - сначала разум.

Казачьи Атаманы тех времен - Уральского генерал Толстов и Оренбургского генерал Дутов - в смертельные морозы, без запасов продовольствия, отходившие в знайные солончаковые зимние пустыни, в неимоверных человеческих условиях устилая свой путь трупами умерших от холода и голода, сами в седле во главе казаков - они прошли тысячелетние пустыни,шли и ушли от красных и увезли от них своих бойцов в чужие государства, в полуздешние и мало культурные государства Азии, в которых международное право считалось, почти, "пустым звуком". Это были настоящие Вожди-Атаманы.

А у нас!...

Рядом культурная Грузия. Доброе и гостеприимное население. Одна вера

у нас с ними. Все говорят там по-русски. И вот - недоговорились во время... И недопустимо было Ставки Главнокомандующего, из-за Сочинского Округа, быть "в холодной войне" с Грузией и не иметь с нею дипломатических сношений.

И была права Кубанская делегация в Париже, проектировавшая "Оборонительный союз" с горцами Кавказа, на случай нашей неудачи. Политические деятели смотрели глубже, чем мы военные.

А отход Капелевской Армии через всю Сибирь к Байкальскому озеру-морю, в котором заморозился и умер и сам их Вождь генерал Каппель....

А переход остатков его Армии через это озеро Байкал в его 60-ти верстном поперечнике по льду с провалами, в вихре встречной снежной бури?

А у нас...

Дивная теплая южная весна, когда вся природа входила в жизнь своей красоты. Весь Черноморский флот полный хозяин Черного и Азовского морей. Там же и военный флот союзников. Возможности были полны, что бы перебросить Кубанскую армию в Крым.

И нет сомнения, что новый Главнокомандующий генерал Врангель, он отменно видел, что "Крыму не устоять" - так зачем же сюда перебрасывать еще несколько десятков тысяч казаков? И хватит ли пловучих средств в будущем на всех "для ухода в неизвестность"?

Закроем мы эту страницу поздних разсуждений. Участники событий не могут разсуждать беспристрастно. Уж больно много обиды запало в души. Но... с тех пор прошло 44 года. И движение коммунизма не только что приостановлено, но оно охватило ровно пол-мира.

Во время пожар не потушен и он оказался стихийным явлением для всех народов. Спасать же казаков было нужно, как живые существа, для идеологической борьбы. И лучше умереть вне Отечества, чем в застенках красной власти.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ "ЗА ПРОВОЛОКОЙ" В ЕКАТЕРИНОДАРЕ.

Настало утро. Первым долгом хотелось умыться, но воды нет. Вообще, здесь ничего нет, кроме длинных пустых высоких досчатых сараев для склада кирпича-сырца.

Пришла какая-то " власть ", человек 8. Все в кожаных шлемах-шишаках, с большими красными суконными звездами на них. Приказано разместиться " по-полкам ". Р, зместились. Мы уж не распоряжались своими казаками, не хотели. Все делали вахмистра и урядники.

К обеденному времени прибыл какой-то большой чин Кубанского областного правления, по фамилии Чернобаев. Всех собрали на митинг и он " заговорил-защебетал " - как красная армия освободила Кубань от кровожадных генералов и как казаки теперь этому очень рады.... Казаки молча слушали, улыбались, но ничем не реанировали. Сам Чернобаев многим понравился. Он оказался местным жителем, с Дубинки, хорошо знающий быт казаков, видимо не плохим парнем и, даже, кампанским. Среднего роста, подтянутый, красивый брюнет, которому очень шла военная форма. И был молод, не выше 30 лет.

Он успокаивал казаков не бояться новой власти, т.к. она несет народу только добро.

"Кому что надо - обращайтесь ко мне!... Кто имеет в городе семьи - могу отпустить с ночевкой... Могу отпустить осмотреть город, который Вы теперь и не узнаете" - глаголет он нам. Ну как тут он может не понравится?

И первыми в отпуск пошли к своим женам "с ночевкой" командир Корни-

ловского коннаго полка войсковой старшина Владимир Везладнов и мой помощник полковник Ткаченко /Владимир Николаевич/, как и все другие офицеры имевшие семьи в Екатеринодаре.

Власть умела подходить из под-воль. Прибывшие чины были, видимо, из местных большевиков. Но вот приезжает еще "некто". Он в черной офицерской накидке без рукавов, в высоких офицерских сапогах благородной кожи. Лицо сухое, породистое, прямой профиль, губы крепко сжаты, замкнутые глаза. Кожаный шлем с красной звездой, глубоко надвинут на глаза, что бы скрыть их от других, но эти глаза "все видят". Походка военная, даже казачийская. Он идет меж толп казаков прямо к группе представителей власти. Подойдя, он спросил - "кто они?"

"А я из восьми" - ответил он им. На наше удивление, те моментально приняли подчиненный вид.

Что означало это магическое "из восьми", мы не знали, но по их подчиненным позам, по их загадочному разговору, видно было, что это есть представитель какой-то большой и всесильной красной власти здесь в Екатеринодаре. И когда этот загадочный человек уехал - те вновь стали такими же хулиганствующими "ваньками" из окраин города.

В ожидании "чего"то" - мы, группа старших офицеров, находимся на главном тракте от ворот, идущем к рядам многочисленных сараев. У ворот показалось новое лицо. Молодой человек лет 20-ти, маленький, кругленький, в черном штатском костюме, но в кожаном шлеме все с той же большою красной звездой на нем, как знак власти - быстро подходит к нам и вежливо спрашивает:

"Можно ли видеть офицера Анатолия Косякина?"

"Да, конечно", отвечает кто-то из нас.

"Хорунжаго 1-го Екатеринодарского полка Косякина!" - раздалась голова в глубь сараев. И хорунжий Косякин появился...

"А-а!... Миша!... Толя!..." ...пронеслись меж ними возгласы и они крепко покали один другому руки.

"Если хочешь - я возьму тебя на поруки?" говорит прибывший.

"Ну конечно, хочу!" отвечает Косякин. Потом они долго гуляли вдвоем, о чем то говорили и приятельски разстались.

Тут же Косякин рассказал нам, что прибывший был его сверстник и друг по Екатеринодарскому реальному училищу, по-дурости ушел с красными, записался в коммунистическую партию и вернувшись назад - сейчас занимает в городе пост равный городскому голове. Он не был казак.

Хорунжий Косякин был освобожден, переехал в дом своего отца. О его судьбе будет сказано своевременно.

ГЕНЕРАЛ УДЖУКО ХОРАНОВ.

На 2-й день, неожиданно прибыл в лагерь генерал Хоранов с большим своим багажем. Мы сразу же окружили своего командира корпуса.

"Вот сволочи" ... начал он рассказ.

Как описано раньше - он говорил, и нам и комиссарам, что - "согласен командовать и красным конным корпусом". Начиная с Адлера - власти его приласкали. В местном курортном экипажике, запряженной тройкой лошадей, с большим багажем, ему позволили ехать на Кубань. Позволили быть при кинжале и с Георгиевским офицерским крестом на груди. Так он доехал до станицы Белореченской. Переночевав, на 2-й день двинулся к Екатеринодару. Но только что он отъехал версты две от станицы, как его нагнал красный конный разезд и отобрал экипажек с лошадьми, оставив все ему вещи, седло и кинжал. И никакие документы из Сочи от красных властей - не помогли....

ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ АППОЛОНОВИЧ МОРОЗОВ.

Нам было очень грустно. Мы все чего-то ждали, а ждать ненаучились. Толпами заполняя штабели кирпичей у длинного забора и оттуда смотрели вдоль улицы к городу, по которой все время было движение родственников. Очень часто сидел и я и смотрел вдаль, как и все другие, завидуя тем, к кому прибывали посетители.

Не скрывая, мы ругали генерала Морозова "за предательство". Ходили слухи, что он получил в командование красную дивизию, стоявшую около Новороссийска.

"Ну конечно... это ему в знак благодарности" - говорилось. И каково было наше удивление, когда на третий день нашего пребывания здесь, мы увидели группу людей человек 10-15, идущих к нам под конвоем и впереди всехшел генерал Морозов. На нем все та же кожаная тужурка, английские бриджи защитного цвета и только головной убор, военную фуражку, он сменил на черный суконный картуз. Черная бородка "лопаточкой" с его смешным костюмом не выдавали генерала. По виду он был типичный мещанин.

Приближаясь к нам, он, будто бы, смущился. Мы все вперились глазами в него и достаточно недружелюбно. А он, коротко потрясая правою рукою в нашу сторону - мягко, с улыбкой, произнес:

"Здравствуйте господа!"

Он очень просто вошел во двор со своими спутниками и направился в один из сараем. Спутники - это был его штаб, почти все в фуражках, не казаки. Их доставили в Новороссийск баркасом, а в Екатеринодар поездом.

С этого дня он стал таким же пленником, как и все мы.

НАША БАБУШКА . . .

С братом мы ждали кого-нибудь своих из станиц. Надюша давно прибыла домой и, конечно, рассказала всю печальную повесть о нас всех....

Как всегда - сижу и я "как шулепек"/коршун/ на штабелях кирпичей и смотрю вдоль длинной улицы к Дубинке, с надеждой - авось покажется кто-то из станицы? И они показались...

Среди идущих в нашу сторону, я узнал так дорогую нам сухенькую фигурку нашей дорогой бабушки, старческими ногами, быстро идущей к нам по пыльной дороге, с узелком на палочке, брошеном на плечо. Заплетающимися от страсти ногами, она быстро подходит к сгущенной массе посетителей у забора вне лагеря и беспокойными глазами ищет... кого? - да нас, двух ее внуков, заключенных здесь.

"Бабушка!.. Бабушка - сюда!" - кричу я ей.

Услышав знакомый голос, она мечется своими глазушками найти меня, но в серой толпе казаков не может угадать своего внука, так же ставшего "серым на вид", как и вся масса людей в казачьих потертых папахах и замыганных костюмах.

"Сюда, бабушка, сюда!" кричу ей из толпы и машу рукою. И она узнала меня...

Лицо ее, усталое, серьезное и напряженное, как-то не естественно растворилось в мягкую пол-улыбку. Растигивая толпу, она быстро протискивается ко мне. С кучи кирпичей, через забор, я тяну к ней руку. Она хватает ее обеими руками, тянет к своим губам, целует и плачет-плачут приговаривая:

"Федюшка-а... в каком ты виде! . . . в каком ты виде!.... 19 февраля, во главе полка, с хором трубачей и с заливными песнями в сотнях, проходил я мимо своего дома; на парадном крыльце его, радостно провожала бабушка

с семьей. Корпус переходил в победное наступление. Мой вид тогда был иной.

Простые люди, иногда короткими словами или фразами, выражают исключительно глубокий смысл. В данном случае, наша бабушка на имела ввиду сказать, что вот ея внук, полковник и командир храброго 1-го Лабинского полка "плохо одет, не в родной черкеске с погонами и при стильном Кавказском оружии", а что..... хозяин Кубани, положен на лопатки, враг ступил ногою ему на грудь и наверное убьет его.

Пишу аллегорически: хозяин Кубани - это все мы, вся Кубанская Армия, вот теперь разоруженная, замызганный и посаженная за проволоку "в таком виде"....

Это был крик души старой казачки, олицетворяющей всю нашу Кубань. Крик трагический и смертельный для Кубани. И роковой. С тех дней Кубань, как красочная административная единица, как живой организм воинственных казаков перестал существовать, ведь?????

Откуда же у простой казачки такая глубокая предвиденность? Предвиденность - это ея суровая жизнь. И жизнь, именно, казачья.

Она родилась тогда, когда Кубань еще не была замирена. Когда наша станица была огорожена рвом и тыном от набегшв черкесов. Когда выход из нея был через окраинные ворота, через которые, по сигнальной утренней трубе, казаки въезжали в поле на работы и выгоняли на пастбище свой скот. И когда перед заходом солнца, нужно всем возвращаться в станицу, что бы не быть жертвой нападения горцев. Да и сама она, девочкой, пошла с подруженьками за станицу, "за клубничкой". Увлеклись поисками ея, как показалось несколько конных горцев. Все дети метнулись к станице и спрятались в кустах. Так все она нам рассказывала в нашем детском возрасте.

Потом замужество. Муж на действительной Царской службе, по тогдашнему, шестнадцать лет, без отпуска в станицу. Дед участник Русско-турецкой войны 1877-78гг. Находился он и в историческом "Баязетском сидении", когда гарнизон русских войск был окружен турками. Война закончена и из Кавказский полк переброшен был в Абхазию, в район Батума, только что завоеванного от турок.

После 16-ти лет службы - дед вернулся домой, на льготу и через год был убит в степи разбойниками. На руках у нея осталось хозяйство и единственный 16-ти летний сын, наш отец.

Не вышла наша бабушка замуж, тогда молодая вдова, и все свои силы посвятила сыну. А потом нам внукам и孙女кам, коих было у нашей матери двенадцать.

И доведя всех внуков и внучек до почетного положения в своей станице, вознагражденная Всевышним Богом за свои труды и страдания, заслуженная на полный покой и радость перед смертью - как вдруг полная катастрофа, и семья родной и всего Казачьяго организма, ея малаго Отечества-Кубани, вне которых ея жизнь уж не представляла, не только радости, но и необходимости.... А другие разбойники, убили и ея единственного 50-летняго сына.

Всех посетителей безпрепятственно пропускают во двор. Я веду бабушку не в свой сарай, чтобы не показать ей своего "звериного логова", а в пустой, предназначенный для посетителей.

Вызываю старшаго брата. Андрюша смущенно, но очень нежно обнимает ее, целует и усадживает на сырой песчаный пол.

"Ну как это случилось, деточки?" - спрашивает она. Этими словами она нас спрашивала, не о нас лично, а - "как это могло случиться, что вся Кубанская Армия сдалась красным"?

Спросила - и лицо ее, всегда строгое и серьезное, редко когда улыбающееся от полууважового горя и забот - оно вдруг стало таким беспомощным, передернулось гримасами, голова поникла вниз и она заплакала своим безслезным плачем....

Слез у нея уже давно не стало... Она их давно выплакала.

Как могли, мы коротко, успокаиваючи, рассказали ей о трагедии нашей Кубанской Армии.

"Что же дальше будет с Вами, деточки? - печально, тревожно, спросила она.

Мы сами боялись за свою судьбу и, своей родной и спрятавшейся бабушке, сознательно врали, что "все будет хорошо", что бы успокоить ее. Выслушав нас, беспомощно качая головою, она вновь плачет своим сухими слезами и печально произносит:

"Ох... не верится мне что-то, что бы все окончилось благополучно"....
Провидица была наша умная бабушка.

КРАСНЫЙ КОМАНДИР.

Она вернулась в станицу, а через сутки прибыла наша мать, старшая замужняя сестра /наш "первенец" из 12-ти детей/ и жена брата. Они принесли нам и радость и многия новости из станицы. Мать рассказала:

"Когда Вы отступили - красная конница с обнаженными шашками неслась по Красной улице. Пленные красноармейцы, что захватили Лабинцы, помещались в Отдельском дворе, с криками "ура" выскочили им на встречу. Один эскадрон красных остановился у нашего дома. Их командир строго спросил меня -

- "А где Ваш сын Федор?" -

"Ушел с войсками" - отвечаю.

"Маль... хороший он был офицер.... и он должен был служить народу"....
Потом он молча вошел в залу и увидев твой бинокль на стене, говорит -

"А... военный предмет"....

"Да он пробит пулею", отвечаю ему.

"Ничего... пригодится" - сказал и взял себе. А потом, увидел твой портрет на стене, весело произнес:

"А вот и сам Федор Иванович"...

Я заинтересовалась и спросила - откуда Вы знаете моего сына?

"Я бывший урядник одной сотни с ним... на Турецком фронте... Гречишкевич... казак станицы Тифлисской".... а теперь командир красной бригады"

Мать удивилась этому, даже не поверила и теперь спрашивает меня -
"правду ли он сказал?"

Гречишкевич сказал правду.

Два младших урядника З-ей сотни, Асеев и Гречишкевич, казаки станицы Тифлисской, окончили в Ташкенте Окружную гимнастическо-фехтовальную школу и по весне 1914 года вернулись в полк, в г. Мерз. Как гимнасты, они иногда приходили в нашу учебную команду и конкурировали с казаками "учебными" в разных гимнастических номерах на турнике и на параллельных брусьях. Работали они хорошо, чисто, но были крупные ростом, мужественного телосложения, почему "стойку на руках" на брусьях не могли постигнуть. В этом отношении я для них стал авторитетом, а отсюда и образовалась между этими урядниками и мною, как бы, профессиональная дружба. Я тогда был молодым хоунжим и помощником начальника учебной команды.

Кстати сказать - они окончили полковую учебную команду в 1913 году, вахмистром которой был тогда/и при мне 1913-14гг/ старший урядник Никифор Иванович Бородычев, теперь войсковой старшина, проживающий не так далеко от Нью-Йорка.

На войну 1914 года оба эти урядника вышли в З-ей сотне под, есаула Маневского /убитаго в чине генерала в апреле месяце 1919г. на Манчче/. Я командир 1-й полусотни, а они младшие урядники 1-го взвода, т.е. мои непосредственные подчиненные.

Гречишкевич - костистный, сильный казак. Крупное лицо с прямым профилем.

Серые холо^{тные} глаза. Лицо волевое. Сухой в обращении и с казаками и с офицерами. Под ним отличный конь светло-гелевой масти - костистый и мощный как и сам хозяин. Ровно полтора года в походах, в боях, в многократных разъездах в глубь Турции рядом со мною был Гречишкян. В месяцы революции держался молча. В самом начале декабря 1917 года, когда полки нашей Кубанской дивизии, уже при большевиках, возвращались на Кубань - оказывается, Гречишкян остался в Петрограде. С мая, дивизия стояла в Финляндии.

Полки дивизии прибыли в свои Отделы перед самым днем Рождества Христова и на праздники были отпущены по своим станицам, в отпуск.

После Праздника Крещения - казаки нашего 1-го Кавказского полка собрались в станице Кавказской для получения жалованья и внесения о дальнейшем существовании полка. Власть была еще Казачья, Войсковая, на всей территории Кубани. И вот, во дворе Управления Кавказского Отдела, где собирались казаки при полковой канцелярии, на каком-то звончении, появился Гречишкян, который заявил им, что он - "прибыл из Петрограда.... имеет мандат на набор казаков-добровольцев в красную гвардию и предлагал казакам записываться у него"...

Стояла исключительная непогода. Казаки считали что, вообще, война окончена и ждали официальной демобилизации "старых годов" от Войскового Атамана, а тут, свой казак-урядник предлагает "набор добровольцев", да еще в "красную гвардию". Его они не только что взяли на смех, но предложили идти ему туда, "куда он хочет"...

Под смех случайной толпы человек в две стопы, Гречишкян заявил, что - "вернется в Петроград, доложит кому следует и еще посмотрим - чья возьмет"...

Все это было тогда для всех нас очень странно и непонятно поведение, все же, хорошего урядника и это его выступление посчитали смешным, почти анекдотичным, как и не обратили на него никакого внимания. Способности кадрового урядника Гречишкяна, его грамотность, боевой опыт, как и сочувствие красных оказались настолько видными, что через два года войны, на свою Кубань, он вернулся командиром конной бригады красной армии.

Но этим он не украсил нашу Кубань-казачью!

"НОВОСТИ ИЗ СТАНИЦЫ"....

"А Федю Короткова заставили насыпать пшеницу в чувалы из амбаров, отвезти в Романовский /теперь г. Кропоткин, Ф.Е./ и сдать государству", - рассказывает дальше мать. "Насыпал, запрег восемь пар быков в мажары и повез.... а они, проклятые, отобрали и быков и мажары и Федя вернулся домой пешком только с кнутом"...

"Вернулся домой с красной армией и муженек, Семка Папинов... ты его знаешь. На митинге он много говорил, "дергал" некоторых стариков за бороды и угрожал за старое" - с возмущением продолжает она свой рассказ.

"А Соломон /нап работник, пленный красноармеец, Ф.Е./, забрал всех четырех рабочих лошадей, мажару, хомуты и уехал к себе домой.... что теперь мы будем делать без лошадей, я и сама не знаю, синючек" - повествует она....

Слушаю свою мать и молчу. И пропали все мои "наивные мечты" вернуться в станицу, заняться хозяйством и обеспечить сыновьям жизнь бабушки, матери и трем сестренкам-подросткам. И ежели муженек Семка "дергал стариков за бороды", как наивысшее для них оскорбление, то что же он сделает с нами, офицерами?!

Бежать!.. бежать надо в Крым, в Армию и продолжать борьбу, как уже пред решил в Сочи и Гуапсе.

Но как достигнуть Крыма через море? - вопрос был неразрешим. Вообще-же все мы были тогда в полном неведении - что же с нами будет дальше?!

Судьба наша полностью находилась в руках красной власти....

КУБАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЕЗД СОВЕТОВ.

Он назначен в Екатеринодаре, по два делегата от станиц и сел и по одному коммунисту от них же.

От нашей станицы прибыл станичный комиссар казак Горин и младший урядник 2-го Кавказского полка Великой войны Лев Колышкин. Оба староверы. Их подворья позади нашего, через улицу Колышкина я хорошо знал еще со школьной скамьи, а Горина, мимолетно, случайно, когда я был мальчиком, а он уже с рыжей бородой. Сады над Кубанью, наш и его, были почти по-соседству.

Великую войну он провел на Турецком фронте, в нашем 3-ем Кавказском полку, в котором наш старший брат Андрей был офицером. На удивление последнего - в месяцы революции, Горин стал "красным". Его я не видел лет пятнадцать.

В одном из сараев, он собрал всех наших станичников, что бы "поговорить" и не пошел. Говорить с ним мне было не о чем. За мной пришел брат, и от его лица "просит дожаловать дорогого станичника, которого он знает с малых лет", так сказал мне брат-Андрюша. Пришлось согласиться.

Когда я вошел в сарай - все станичники молча слушали Горина. То были молодые офицеры, не выше чина сотника, сыновья хороших фамилий, офицеры военного времени; были урядники и казаки. Я был не только что старшим среди них, но и единственным кадровым офицером и, естественно, авторитетом.

При моем появлении - все они повернули головы в мою сторону.

"Аа!... Федор Иванович!.. пожалуйте! Чиво же Вы сразу не пришли? И не бойтесь. Мы все станичники - свои люди. Здравствуйте!" - сказал и протянул мне руку, не вставая с земляного пола.

"Сядитесь, Федор Иванович возле меня", предлагает он и продолжает: - "Я, вот, разскаживаю станичникам о съезде. На съезде мы /т.е. казаки, Ф.Е./ возьмем верх и недадим коммунистам распоряжаться по казачьим станицам. Казачьих представителей будет ровно в два раза больше, чем коммунистов, потому мы и возьмем верх своими голосами. И всех Вас выручу из лагеря, после чего все Вы будете жить спокойно в станице и я не позволю никому Вас и пальцем тронуть".

Горин типичный казак-старовер. Светлый блондин. Лицо белое, чистое. Прямой сухой профиль. Длинная, в четверть, ярко-рыжая борода. Он в широких казачьих черных шароварах с красным войсковым кантом. Белая широкая чистая белая рубаха вобрана, чисто по станичному, в "очки". От жары - башмет на распашку.

Когда станицу заняли "белые-дроздовцы", он был арестован, во дворе станичного правления выворот плетью своими же станичниками, препровожден в Екатеринодар в тюрьму для суда. Это было летом 1918 года. При оставлении Екатеринодара белыми войсками, был выпущен на свободу, вернулся в свою станицу и автоматически вновь стал комиссаром ее. Все это я знал, и вот теперь, я рассматриваю и изучаю его. Безусловно, умный казак, не злой и не мстительный. Говорил искренне своим станичникам и они ему верили. Поверили и я его словам, но я уже не верил красной власти, как и не поверил, что они, казачьи делегаты, на съезде "возьмут верх". Вся сила была уже в красной Москве, но не на местах.

Так и оказалось. Съезд единогласно признал власть народных комиссаров и послал приветственную телеграмму Ленину. После этого началась сортировка капитулированной Кубанской армии. На доставляли газеты. Прочитали, что все члены Краевой Рады отправлены в Москву. Сообщение заканчивалось злым и ехидным стихотворением, под заглавием:

"Вбит осиновый кол в Кубанскую Краевую Раду"

Началось "очищение Кубани от вредного элемента".... А Горин, разочаровавшись во власти - отойдет от нея и умрет в станице нормальной смертью.

ТЕРНИИ ДУШИ . . .

"Господин полковник... Вас спрашивает какая-то барышня", говорит кто то. Я иду к воротам и вижу одинокую, робко стоящую девушку лет 16-ти. Она оч. скромно одета, но чистенько. Лицо приятное, благородное. Стоит сироточко.

"Я полковник Елисеев, что Вам угодно? - говорю ей.

"Вы командир 1-го Лабинского полка? У Вас в полку был наш брат, сотник Веприцкий... где он?" - спрашивает.

Вот... вот новое испытание - жутко подумал я. Сотник Веприцкий убит у села Садовое и похоронен в Туапсе. Могу ли я это сказать, такое ужасное сообщение, этому тихому робкому существу?... Да она тут-же может умереть от удара...

"У Вас есть Мама?" - спрашиваю.

"Да... и еще меньшая сестра" - тихо отвечает.

"Попросите прийти сюда Вашу Маму... а я к этому времени наведу справки - где он?" - оттягиваю роковой удар.

К вечеру приходит мать. Лицо энергичное, чем-то неудовлетворенное, или чем-то обозленное. Оно скромно. Видимо - во всем нужна. С нею обе дочки, как оказалось, наши Екатеринадарские ученицы Мариинского Института. Отец их, под, есаул, был старшим адъютантом нашего Кавказского Отдела, когда я был юнкером, жил, снимал маленький домик, рядом с нашим подворьем на Красной улице, но при нем тогда семьи не было.

Подхожу к ним, здороваясь, и чувствую себя отвратительно. Что я им могу сказать утешительного?... Какой ужасный удар я должен нанести, и матери и этим двум неискушенным подросткам-дочкам? Подхожу и обдумываю - с чего начать и как все рассказать? Но меня предупредила мать.

"Вы командир 1-го Лабинского полка? - недовольно, зло, и чисто по-солдатски отрубила-спросила она. "Где мой сын, сотник Веприцкий?" - видимо предчувствуя беду и все сваливал на меня, на его командира полка.

Сказать коротко, всего лишь два слова - "он убит", да еще в присутствии его сестренок, таких милых, молоденьких, придавленных нуждою, у которых, этот их старший брат был всею надеждою в жизни, подспорьем в их печальной жизни - я не мог.

"Он тяжело ранен, Мадам"... вру я. "А как и где он теперь - я могу сказать Вам только одной" - продолжаю лгать.

"Говорите здесь же - где он? - ранен?... убит?.. уехал в Крым?" - резко, зло, даже оскорбительно бросает она мне.

Меня это задело, словно я был виновен в его гибели. Но мне, и ее и, в особенности ея дочерей, безумно жаль. Я отлично понимаю, какое это горе для них. И бросаю взгляд на барышень, стараясь прочесть в их глазах - какое впечатление произведет на них мое жуткое сообщение?

Младшая робко смотрит на меня, словно предчувствуя что то ужасное, а старшая более спокойна. Мать-же, она буквально с, едва меня своими здными глазами и... ждет. И я решил сказать правду...

"Тогда извините меня, Мадам... Ваш сын убит в бою под селом Садовое и похоронен в Туапсе"...

При этих словах, младшая дочка, как-то, резко передернулась... резко за-плакотала своею маленькою грудью и с беспомощным окриком ужаса- "Мам-ма!" - повалилась матери на грудь.

"Хорошо!.. спасибо Вам... идемте дочки домой!" - стальным голосом произнесла она все так-же, зло гляди мне прямо в глаза и, непопрощавшись - резко повернувшись, поддерживая младшую дочку - направилась к воротам.

Я печально смотрел им вслед и совершенно не обиделся на мать. Я также плакал в душе с ними и еще по одному страдальческому казачьему свидетству на Кубани.. и точно представлял весь их ужас и горе, когда они придут домой.... Там они все будут горько-горько и долго плакать.. и не один день...

НАШ ЛАГЕРЬ...

По фасадной стоюне был невысокий забор из досок. По сторонам - какие то постройки. Позади чей то сад. Здесь единственное, до пояса, проволочное заграждение легкого и не широкого плетения, которое очень легко можно одолеть. Никакой охраны. У ворот стоит только один красноармеец с винтовкой, но пропускает ворта совершенно свободный; и многие из нас выходили через него к Кубани, которая протекала через улицу. Там, в Кубани, мы умывались по утрам, а некоторые казаки и купались. Бежать можно было совершенно свободно. Отпускали, ведь, и в город, "посмотреть его". Но - куда бежать? И зачем? Не в станицу же, где каждого офицера немедленно же арестуют, и тогда что!?

Возможно, еще в дороге на Екатеринодар, да и отсюда, казаки бежали в свои станицы. Там же ведь не всем было известно - кто ушел в горы из казаков. Но офицеры - они все на счету.

Как мы проводили время? Главное - очень томительно. Было скучно. Я же скучал не потому, что было "скучно", а потому, что видел - жизнь моя в ко-
нечном итоге переменилась и в новой, не военной жизни - я не найду удовлетворения своей душе.

Когда мы сдали оружие и лошадей у Сочи - я почувствовал себя так, будто бы неожиданный мрак спустился над нами, полностью заволок все бывшее светлое и мы оставлены злую судьбою в пустыне на полную неизвестность, или гибель...

Я почувствовал, что у меня отобрали самое ценнное в моей жизни, после чего не стоить и жить...

Я почувствовал себя тогда совершенно беспомощным, пойманный разбойниками, ограбленным начисто и сброшенным в темную глубокую яму, из которой трудно выбраться...

Теперь ясно видно, что мы тогда перешли свой трагический "рубикон двух России", двух положений, исключающих одно другое. Мы перешли тогда четкую разделяющую свет от тьмы, рай от ада, и которую обратно перейти - было уже невозможно. Я тогда точно понял, что мною потерянно все то, к чему учился, к чему стремился, чего достиг и вернуть все это невозможно... Так сильный зверь захватывает свою жертву в когти, играется с нею для того, чтобы потом умертвить...

После этого, я опущал всю свою душу только горе, свое или чужое, остри. Всякая же радость скатывалась с моей души как вода с масла, не оставляя своего следа.

После обеда и по вечерам, от скуки, офицеры и казаки, одним своим большиим кругом на главном тракте от ворот, пели свои дивные песни Черноморских казаков, больше заунывные, как показатель их грусти. Они образовывались стихийно песни эти. Основою певцов был Войсковой хор, к которому примыкали все, кто томился думою и любил петь свои родные песни. Но регент и глава хора, сверхсрочный вахмистр-черноморец, наотрез отказался управлять ними, заявив: - "Я знаю только Царские песни... их петь сейчас нельзя и опасно, а другая я петь не хочу". Но среди офицеров-черноморцев нашлись самородки-регенты и песни пелись долго, громко и отлично. Одним из регентов был Корниловского полка есаул Андрей Бах. Дивный лирический

тенор, тонкий слух. К тому же, он окончил духовную семинарию. При мне, в конце 1918г. был еще прапорщиком. А его очень любил. Он был гостем и в нашем доме после ранения, как то... из лагеря бежал домой, в свою, кажется Калниболовскую, или Незамаевскую станицу, там немедленно был арестован местной властью для препровождения обратно в лагерь. А конвой, за станицей, пристрелил его...

Наш лагерь запружен родственниками, прибывшими даже из дальних станиц. Вход в лагерь был совершенно свободный. Все привозили большие сестинские припасы. Щедро делились ими не только что со станичниками и со служивцами, но и с теми, кто был одинок. Мать, сестра и жена брата принесли нам ценные узлы с едой. Собрались офицеры Лабинцы и Кавказцы, гостившие в феврале месяце у нас в доме и знающие их. На разосланных белых скатертих много. И наша сердолюбивая мать, крупная и добрейшая женщина, угождая всех, и изменчиво говорила:

"Ешьте деточки... ешьте на здоровье". И этак она обращалась к офицерам, коим было свыше 30-ти лет, но... для нея все они "деточки", т.е. дети Одной Родной Кубани, нашей Казачьей Отчизны. Такова была простота и сердечности в нашем Казачьем Крае.

Из станицы Темижбекской прибыл длиннобородый старик Маслов, отец двух сыновей сотников, находящихся здесь. С ним и жена младшего сына, Федя.

19 марта 1918г. в день нашего Кавказского восстания, с сотней своих конных станичников вошел в их станицу, разогнал совет, отобрал оружие, которое казаки сдали и призвал Темижбекцев впасть в наш стан. И вспыхнуло - батальон пластунов в 400 штыков и конная сотня в 135 шашек. Станица Темижбекская считалась молодецкой станицей в полку. Она входила во 2-ю сотню, которую я командовал. Вахмист сотни и два изводных урядника были от них. На радостях - Масловы пригласили к себе "на чай". Младший сын, Федя, бывший студент, представил мне свою молоденькую жену, Тифлисскую институтку. Красивая, стройная, словно ангел - она была в простом казачьем доме, называемом отца-станичника, высокого сухого, с длинной узкой седой бородой "Папа", а он ее на "ты" и "доченька". А был тогда героем дня, собрались урядники-сослуживцы, верили, что "возстановим свою казачью власть".

И вот теперь, этот Мафуссайл лет за 70, со своим ангелом-снохой прибыл к нам в лагерь, что бы повидать своих сыновей в плена. Старик был почти телен со мной, но я видел в его глазах грусть и боязнь за нас. Старые люди видели гораздо глубже нас о произошедших событиях. Мне же перед ним было стыдно: - развенчанный герой... и так легко развенчан.

Вобще же, мне было всегда стыдно за свою участь, когда встречал в лагерях кого из старых знакомых офицеров и урядников.

К тому же - казачье население Кубани, было удивлено и огорчено "садчей Армии", на которую она так надеялась, что - "Они вернутся и вновь установят Казачью власть". Оно не верило красным, что сдалось 60 тысяч казаков. В плен ведь казаки редко попадали во всех войнах, вот почему и не верили красной печати. Генерал Морозов сообщил потом, что официально у него зарегистрировано на приемном пункте 34 тысячи строевых казаков. Беженцы не регистрировались, некоторые части прошли самовольно.

Пришло распоряжение:- "Всем офицерам выйти на работы, перенести доски с одного места, на другое". Не сговорились - никто из нас не вышел на работу, но Генерал Морозов, со своим штабом, весь вышел и "таскал на плечах доски". Все они это делали весело, смелись и таскали, все же...

"Ну, конечно.. популяризирует перед красными", недружелюбно перекидывались мы между собой.

Мы, тогда, еще не изжили своего офицерского привилегированного положения и черный труд из казался непозволительным и оскорбительным....

ПО ДОРОГЕ В "ЧЕКА" . . .

На 2-й или 3-й день после Областного съезда, часов в 10 утра, пришло распоряжение:

"Всех генералов и штаб-офицеров выделить из лагеря и немедленно же отправить в Ростов, в штаб Северо-Кавказского военного округа, для назначения на командные должности в Красной армии на Польский фронт".

Мы знали, что Польская армия перешла в наступление и заняла уже Киев. К этому распоряжению многие из нас отнеслись удивленно. Защищать красную Россию многие из нас не собирались, но через Польшу попасть в Крым, к генералу Врангелю - прельщало некоторых....

Нас так быстро выделили, и так рано, что те штаб-офицеры, кой были в отпуску у своих семейств, не вернулись еще из города. К ним относится командр Корниловского конного полка войсковой старшина Безладнов и мой помощник полковник Ткаченко.

Командир Сводно-Кубанского полка полковник Лиманский Игнат и второй мой помощник войсковой старшина Сахно заболели и отправлены были в госпиталь. Этими событиями судьбы их была совершенно иная, чем наша.

Собравшихся вывели за ворота, провели на пустырь, что между кирпичными сараями Стакова и Дубинкой и остановили. На глаз, нас было человек 80. Мы кого-то ждем.

Издали, облически к нам справа, приближаются в направлении лагеря две крупных фигуры в длинных черкесках нараспашку, в крупных папахах. Один из них часто вытирает папахой пот на лице. За ними небрежно идет плюгавый красноармеец с винтовкой. И какою же было наше, и удивление и жалость, когда в этих двух фигурах, мы опознали генерала Якова Георгиевича Косинова и бывшего так нарядного, с седою бородкой лопаточкой, генерала Серафимовича.

Опознав некоторых из нас - они приветствовали взмахами рук и с напускной беззаботностью, дружески улыбаясь, прошли мимо нас шагах в 50-ти.

К нашему удивлению, подошел конвой человек в 30 красноармейцев, окружил нашу группу и с ружьями "наперевес" - приказал быстрым шагом двигаться к Дубинке.

Прошли ее. Вот казармы учебной команды 1-го Екатеринодарского полка, городской сад. Иля по Почтовой улице - спраша проходим Атаманский дворец. Сердце начинается биться оскорблением чувством. Нас уже сопровождают родственники и знакомые,шедшие к нам на свидание. Среди них обнаружил я и нашу бабушку. Мать уехала в станицу и больше я ее не видел на этом свете... О ней после.

С Почтовой свернули на Красную улицу. Конвой ведет нас почему-то по левой стороне ея. Толпа зрителей усилилась. Мы проходим "триумфальную арку", досчатую, вся в красном цвете. На ней надпись крупными буквами:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

2-й этаж Атаманского дворца, до окон, задрапированный красным широким полотнищем. Памятник Запорожцам и Императрицей Екатериной 2-й снят.

На душе мрач и оскорбление Войскового достоинства.

Какая-то маленькая женщина, с грудным ребенком на руках, старается как можно ближе идти с левофланговым комендантом 1-го Кавказского полка полковником Фоменко.

"Не подходи близко!" кричит на нее один конвоир зло.

"Это моя жена... позвольте, товарищ, ей идти рядом со мною", просит Фоменко.

"Женщина!... пусть идет, но не так близко" отвечает страж...

"Ваня!... а где Коля?" - вдруг прерывает нас резкий женский окрик из сопровождающей публики.

"Там"!... коротко отвечает войсковой старшина Храмов и указал рукой на запад.

"Не разговаривать!... а то я Вас штыком!" - кричит левофланговый конвой и женщине и Храмову.

Крик женщины был настолько острый своим беспокойством, что я невольно глянул в ее сторону. Высокая, стройная, красивая и нарядно одетая молодая женщина, с грудным ребенком на руках, продолжала не отставать от нас.

"Кто она?", тихо спрашивал Храмов, сверстника по военному училищу и однополчанина по мирному времени.

"Жена Коли Черножукова"!... отвечает он не глядя на меня, идущего с ним рядом.

Черножуков, казак ст. Усть-Лабинской, Екатеринодарский реалист, в 1911 году окончил Тверское кавалерийское училище и вышел в 1-й Черноморский полк. Краснозвезд и боевой человек. И его хорошо знал. Будучий командиром сотни Корниловского конного полка в чине подесаула, в средних числах октября 1918 г., когда полком командовал полковник Коли Бабиев - он был тяжело ранен в ногу. Долго лежал в госпитале и стал хромым. Крым, Лемнос и сейчас проживает в Югославии. Какова судьба его супруги-красавицы - неизвестно.

На Красной улице толпа народа удивленно смотрит на нас, так недавно бывших властелинов сих мест. Дойдя до Екатерининской улицы - нас повернули на нее и остановили на углу Бурсуковской, у здания областного "чека".

Генерала Морозова вызвали во внутрь здания. Мы свободно стоим и, даже, разговариваем с посторонними. Прибыли родственники войскового старшины Семенихина из станицы Безскорбной и сообщили ему, что его жена неожиданно умерла и они не знают, что делать с двумя его маленькими дочками. Семенихин заволновался. Он просит власть дать ему разрешения съездить в станицу и устроить сироток. Власть соглашается, но просит письменное поручительство десяти человек из нас, что он потом вернется в лагерь. Мы даем свои подписи, он едет в станицу, по время возвращается в лагерь, потом бежит в станицу Лабинскую, узнает о движении генерала Фостикова, бежит к нему, ведет борьбу против красных. Потом Крым, Лемнос, Франция.

По выходе из госпиталя - бежит к Фостикову и полковник Лиманский Игнат. Так же этапы - Крым, Лемнос, Франция. Там я связался с ним письменно. И доблестный командир полка в боях, отвечает мне, что у него полное разочарование и он "давно вложил свою шашку в ножны"....

Как окончившие ускоренно курс ген.штаба - есаула Всевикова Якова, казак ст. Усть-Лабинской, вызывают в здание и назначают его в какой то штаб.

Вышел Морозов с документами и мы уж без конвоя идем к вокзалу, что бы следовать в Ростов, в штаб Северо-Кавказского военного округа для... но нас не туда направили.

На вокзale много провожающих нас. Все женщины. Здесь и наша дорогая бабушка. Она, как затравленный и уже безсильный зверек, не отходит от нас. Она так жалостливо-ласково заглядывает нам в глаза обоим внукам, словно хочет насмотреться в последний раз... Я ее успокаиваю как могу, сам беспомощный.

"Ах, Федюшка, чует мое сердце, что будет горе"... говорит она и без слезно плачет. Потом бросилась куда-то и приносит полное ведро нашего кубанского борща. Все голодные, кавказцы и лабинцы, как ближайшие, обступили ведро со своими деревянными ложками и о - как вкусен был наш родной был борщ!

У АГИТАЦИОННОГО ПОЕЗДА. . .

На вокзал, для посадки в вагоны на Ростов, мы прибыли без конвоя. С нами и сопровождающие родственники. Прибыв, все разместились в садике. На перроне вижу большой состав пассажирских вагонов, весь разрисованный яркими красками. Заинтересовавшись - разматываю его. Вот чисто Украинское село. Перед ним речка. Из хат высекают пластуны с ружьями на перевес, с кинжалами на голубых доческих чепчиках. Надпись гласит, - "пластуны высекают по тревоге, что бы прогнать болых генералов".

Вот лава Донских казаков, с пиками "наперевес", вихрем летит на убегающих генералов.

Вот Донской генерал у пушки, держа руку за спиной - получает кошелек с деньгами от американца.... А вот позерченый на спину крупный Донской генерал, в лампасах и с пышными эполетами на плечах. Через него шагает с винтовкой красноармеец. То - "Освобождение от Донцов каменноугольного района красной армии" . . .

"Что, интересуетесь товарищ?" вдруг спрашивает меня появившийся на площадке вагона 1-го класса оч. молодой человек, в серой длинной черкеске в серой каркалевой папахе и в дорогом Кавказском оружии - кинжал и шашка. Все на нем новенькое и сам он смазливый.

"Да... интересно... а Вы кто таков будете?" спрашиваю.

"Кубанский казак... а Вы кто?" переспрашивает он.

"Я тоже Кубанский казак, но теперь пленный офицер Белой армии", отвечаю.

Узнал, что нас здесь много и отправляют в Ростов - он пригласил всех выслушать его. Оказывается, это был агитационный поезд. Стоя на площадке, он "заговорил" высоким фальцетом:

"Товариши-ии... советская власть, под руководством нашего дорогого Владимира Ильича"... и пошел и пошел. Так на нем сидел Кубанский мундир, как висела на нем шашка, как он выкрикивал слова - он, конечно, не был казак.

Мы стоим в недоумении и не знаем, что нам делать?.. Нам становится оч. стыдно, что он так громко говорит-выкрикивает агитационные слова, да таким высоким бальцетом, словно нас здесь не 80 человек, а несколько тысяч.

Генерал Морозов, стоя чуть в стороне от нас, но на уровне середины толпы, когда он, этот агитатор, взял "высокий тон" - плонул в его сторону, повернулся назад, отошел несколько шагов и сел на землю, спиной к нему. . .

Нас это удивило и восхитило. Как то сразу же переменилось к нему наше отношение. Агитатор постарался не обратить на это внимание, а мы, постепенно, стали так же отходить от вагона. Нар его слов не тронул нас, но обидно было, что он выступал от имени казачества и в нарядной казачьей одежде.

На не искушенный народ, все эти образно нарисованные картины из всех вагонах, в ярких красках, сильно утрированные в своем художестве - могли произвести известное впечатление.

Так агитировали красные перед Донским и Кубанским казачеством. А у выхода из Екатеринодарского вокзала - вновь триумфальная арка с наязчивой надписью: - "ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ" . . .

Войсковое офицерское собрание на Екатерининской улице, так нам всем известное - так же задрапировано красным кумачом на 2-м этаже до окон.

Все это для нас было оскорбительно.

Полковника С.И. Земцева провожает семья со многими родичами. Жена и доупрашивают его взять с собою большую столовую серебряную ложку и 2 сал-

фетки. Он отказывается, те настаивают и он, наконец, соглашается взять их.

Подали два пассажирских вагона 3-го класса. Происло распоряжение "о посадке". Услышав это слово, наша бабушка вся передернулась. Чуло старческое сердце, что в последний раз она видит своих дорогих внуков. Мы с бртом крепко обнимаем ее, целуем в щеки, в глаза. Она уже не плачет, а как то по звериному, в изнеможении своих душевных и физических сил, только вскрикивает: - "деточки-и!... деточки мои-и!"

Я боюсь, как бы она не упала в беспомощство, почему поддерживая ее, успокаиваю, целую ее еще и еще... целую руку, ей сухую морщинистую рабочую руку и на ходу вскакиваю в вагон.

Она, словно понявши "все", наше "последнее прости" в жизни - как то не естественно звяжнулась для поднятия своих физических сил и вперившись в нас глазами - скрым-скрым шагом идет, бежит рядом с отходящими нашими вагонами сгорбившись еще сильнее, и на боязливые наши слова и слова друзей-казаков, плача, с трагическим выражением лица, в какой-то не естественной гримасе ся неотступного горя - бежала и твердила только одно слово:

"Детки - детки - детки".... А потом и приотстала за поездом.

За семьюором, паровоз свернул налево... и в закруглении вагонов поезд - еще раз мелькнула перед нашими глазами маленькая сухенькая фигура нашей дорогой и драгоценной бабушки - в последний раз.... С тех пор я ее больше уж не видел на этом свете.

В голодный год, когда Кубань замученно стогнала "под продовольственным налогом красных" - она поехала вдаль "за хлебом", в Невинномысскую станцию и там... там, среди чужих людей, подрезанная косой безжалостного тифа, в чумном бараке, средь сотен ей подобных - отдала Богу лушенку свою... и как иенужный хлам - была сброшена в могилу-яму общую...

В РОСТОВСКОМ ЛАГЕРЕ. О П. Р О С .

Мы следовали в Ростов безо всякого конопля. Гости прибыли перед заходом солнца. Генерал Морозов, как старший над нами, в пакете /запечатанным/ пошел по указанному на нем адресу, т.е. в штаб Северо-Кавказского военного округа. Вернулся оттуда с проводником и возмущенно сообщил нам, что пакет был по адресу Ростовского "чека" и нам приказано идти в концентрационный лагерь, который за городом.

Возмущаться было бесполезно. Нагрузившись тем, что имел, мы двинулись по Ростову. В сумерках выйдя из города и поднимаясь на перекат - на пустыре, по немногим огням и гомону многих тысяч людей, мы поняли, что приближаемся к лагерю. В глубине 3-4 длинных постройки. Весь пустырь охвачен проволокой. Через проволоку пропускные ворота. Через них нас пропустили в месиво людей. Темнота, ничего не видно. Не разбиваясь, мы кучно поместились под открытым небом. Ночью пошел дождь и спугнул нас. Мы, группа лабинцев и казаков - кое-как укрылись под каким то навесом как шенята в непогоду...

На утро регистрировали нас в канцелярии охранной роты лагеря, помещавшейся тут же в бараке.

Оказывается, в Екатеринодаре, в "чека", видимо при содействии генерала Морозова, был всем нам составлен список в порядке чинов и бывших должностей. После фамилий пяти генералов, бывших тогда с нами - мой дядилит, почему-то, была поставлена "следующей", видимо по должности самой сильной в Армии тогдэ - 2-й Кубанской казачьей дивизии, состоявшей из шести полков.

И вот, в порядке старшинства чинов и должностей, вошли мы в узкий корridor канцелярии роты истановились в затылок один другому. За столом сидели три человека. Перед средним - видимо список нам и наши анкеты.

"Первым" стоял генерал Морозов. Здесь я помещу полный диалог вопросов чекиста и ответов Морозова, который потом задавался абсолютно нам всем.

- Морозов - Ваш чин?
 - Генерал-майор.
 - Должность в Белой армии?
 - Командир корпуса.
 - В белую армию поступили добровольно, или по мобилизации?
 - Добровольно.
 - Где проживает Ваша семья?
 - В Тифлисе /Грузия было тогда еще самостоятельная республика, Ф.Е./
 - Адрес семьи?
 - Не знаю.... Чекист молчит, что то думает и вновь запрашивает:
 - Как же Вы это не знаете адреса Вашей семьи?
 - Не знаю, вот и все... - отвечает Морозов резко, недружелюбно. Чекист молчит, а потом что то говорит со своим, рядом сидящим, а что - я не слышу. И потом вновь, и достаточно вежливо, как бы упрашивая, все же, не скрывать адреса семьи, продолжает:
 - Очень странно, товарищ, что Вы не знаете адреса своей семьи. Ведь Вы с нею п реписывались-же?
 - Не знаю, вот и все... и не желаю Вам больше отвечать - вдруг резко, рычаще говорит он, смело возвращается кругом и скрыт шагом идет мимо нас и... уходит из глаз опрашивающего. Тот была большая гражданская смелость генерала Морозова. Наше мнение о нем повысилось.
- Я испугался... мне думалось, что чекист вскочит, схватит генерала за воротник и притянет к столу "для точного ответа". Испугался я, что он может пустить ему и пулю в спину. Но этого не случилось. Еще немного посидев молча и попотом переговорив со своим соседом - он вынужден был "следующего"... Им был генерал Хоранов. На последний вопрос, он ответил, что в Белую Армию, он был "мобилизован"....
- Ответили и следующие три генерала - Орлов, Кальчевский и Бобришев, что и они были "мобилизованы".... и дали адреса своих семей.

В эти страшные и томительные минуты - у меня боролись два чувства - совесть и страх. Все мы, конечно, хотя и прилежали мобилизации, но, все же, в Белую армию поступили "добровольно", по убеждению борьбы с красными. И вот, я, поддаваясь чувству страха, так же ответил, что "был мобилизован".

И оказалось потом, что все, около 80-ти офицеров, ответили так же, что они были "мобилизованы".... Потом все уливались, и, даже, ругали за глаза генерала Морозова за его резкость и браваду. Нельзя было поверить, что среди нас не было храбрых в боях и смелых гражданских, но в данном случае предно и опасно было доложить такую браваду. Дали и мы адреса своих семей.

В дальнейшей нашей тюремно-лагерной жизни, продолжавшейся около года, если кто из нас хитрил перед красною властью, изворачивался, умно ускользал от нее - он не только что не подвергался нашему товарищескому осуждению, а наоборот - мы его хвалили за это. Это было совершенное правильное попадение тогда. Между собою же, мы совершенно не изменились в воинских взаимоотношениях, все были очень почтительны к старшим, помогали физически слабым. "Друзья познаются только в несчастии" - был нашим девизом. И офицерское благородное воспитание, как никогда и нигде, проявилось у всех нас тогда в высшей мере.

В лагерях было очень много Донских казаков, много офицеров Добровольческой армии, оставшихся в городах, т.е. не ушедших с Армией. Мы были главной группой Кубанских офицеров, прибывшая сюда компактно, и которой немедленно же присоединились одиночные Кубанские офицеры и урядники. Терских казаков совершенно не было. Для исторической справки - приведу полный список нашей группы, по чинам и должностям, как были записаны мною сразу же, когда я попал за границу в июне 1921 года, т.е. на свежую голову.

1.- Морозов Николай Апполонович, генерального штаба генерал-майор, командир корпуса Кубанской армии, не казак.

2.- Хорнов Валентин Захарович /по осетински - Уцжуко Жанхотович/, генерал-майор производства на Черноморском побережье в 1920 году. Уроженец селения Ардон Терской области. Кончил в Ярославле Демидовский юридический лицей, Александровское военное училище в Москве, служил в одном из батальонов Кубанской пластунской бригады, потом переселся в наш 1-й Кавказский полк за несколько лет до 1-й Великой войны, на которую выступил в чине старого под, есаула /39 лет от роду/ и командира сотни 2-го Кавказского льготного полка. Войну закончил чином полковника. Командир 2-го Кубанского коннаго корпуса с 12-го апреля 1920 года

3.- Мальчевский Николай Гаврилович, генерал-майор производства на Черноморском побережье 1920 года. Командир Кубанского Войскового учебного коннаго дивизиона. Во время Великой войны на Турецком фронте - командир сотни 1-го Черноморского полка, отличившийся в этой должности и награжден офицерским Георгиевским крестом 4-й степени. Высокий, сухой добрый человек по натуре.

4.- Бобряшев, генерал-майор производства на Черноморском побережье. Командир одной из Кубанских пластунских бригад при отступлении на Побережье. Маленький роста, тихий человек. Скоро умер нормально, в Москве.

5.- Орлов, генерал-майор, служивший в Войсковом штабе. Пожилой, высокий сухой. Его служба мне не известна.

6.- Полковник Елисеев, Феодор Иванович, казак станицы Кавказской, командающий 2-й Кубанской казачьей дивизии /автор этих строк/.

7.- Земцов Сергей Иванович, полковник генерального штаба. Начальник 4-й Кубанской казачьей дивизии с 12-го апреля 1920г. Во время Великой войны на Турецком фронте был командиром 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского Войска.

8. Бойко Андрей Миронович, полковник генерального штаба, казак одной из станиц Лабинского Отдела. На войну вышел командиром сотни 2-го Кубанского полка для отбытия командного цэнца как офицер генерального штаба. На Черноморском побережье одно время был нач. штаба всех войск у генерала Шкуро. Спокойный замкнутый человек.

8.- Жуков Семен Семенович, полковник, кажется казак Прочноокопской станицы, родной брат флигель-адъютанта есаула Жукова, застрелившегося на войне. Служба его мне не известна. Высокий сухой стройный брюнет и очень добрый человек.

9.- Кочергин, полковник, казак ст. Белореченской, начальник Артиллерийского дивизиона 2-й Кубанской дивизии на Черноморском побережье. Во время Великой войны на Турецком фронте, был командиром Терской казачьей батареи.

10.- Борисов Павел Андреевич, полковник, командир Полтавской бригады на Черноморском побережье. Высокий странный строгий человек, родом не казак.

11.- Дударь Иван Филиппович, полковник, командир 2 го Полтавского полка, кадровый офицер 1-го Таманского полка до войны. Милейший человек.

12.- Щоменко Владимир Николаевич, полковник, командир 1-го Кавказского полка. Старый наш кавказец, до войны вышел "по Войску" /в запас/. С началом войны был призван и был командиром сотни 3-го Кавказского полка на Турецком фронте. Маленький, сухой, хищистый, умный и приятный человек.

13.- Кротов Александр Павлович, полковник, командир 2-го Лабинского полка. Терский казак.

14.- Богдан Павел Андреевич, казак ст. Уманской, числил себя командиром 1-го Уманского полка. Офицер военного времени, видимо из учителей.

15.- Кононенко Григорий Андреевич, полковник, при отступлении бывший командир 1-го Черноморского полка. Старый кадровый офицер 1-го Екатерино-дарского полка, которого я знал в чине подесаула в 1910-м году. Спокойный тихий человек.

16.- Евсюков, полковник из заслуженных сверхсрочных подхорунжих 1-го Линейного полка мирного времени. Георгиевский кавалер всех четырех степеней Георгиевского креста. Капитулирован в должности вр. командующего Линейной бригады. Казак ст. Ханской. Всё себя замкнуто.

17.- Ратимов полковник. Очень старый офицер. Летом 1919г. был комендантом З-яго Запорожского полка в Фулбе против зеленых-крестьян.

18.- Бобряшев Иван Иванович, полковник. Старый офицер одной из Лабинских станиц. Комендант г. Майкопа.

19.- Бай-Борода полковник. Командир 1-го Таманского полка. Старый офицер. Стройный брюнет, бородка клинушкой, в бурке, в косматой папахе и в плену - он был словно "горец Кавказа".

20. Захарьян Иван Петрович, полковник, казак ст. Лабинской. На Великую войну вышел комендантом 2-го Кубанского полка. Старый офицер, говорили, бывший шеголь п.д. черкес, но теперь он старик, болен желудком, страдал. И ему помогали.

21.- Захаров полковник, казак ст. Николаевской. Старый офицер. Всю Великую войну на Турецком фронте прошел в должности коменданта З-яго Кубанского полка в Персии. Старый суровый не гнущийся казак и в плену.

22.- Колесник Иван Калинович, войсковой старшина, вр. командир 2-го Черноморского полка. Казак ст. Анапской. Быленикий ростом, милый добрый казак.

23.- Богомаз Иван, войсковой старшина, казак ст. Ханской. "з учителем". Вр. командир 1-го Линейного полка

24.- Несмашный Константин, войсковой старшина, пом. командира 1-го Кубанского полка. Казак одной из станиц Бугалпашинского Отдела. Окончил Владикавказский кадетский корпус, ускоренный курс Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. Быленикого роста, милый добрый веселый.

25.- Семейкин Яков Петрович, войсковой старшина, вр. командир З-яго Уманского полка на Побережье. Казак ст. Ильинской. Вахмистр и инструктор молодых казаков в своей станице в мирное время, которого я знал тогда. Джигиттанцор, песенник. На войну вышел вахмистром во 2-м Кавказском льготном полку и вернулся в чине подесаула. Небольшого роста, аккуратный и молодецкий во всем казак.

26. Березлов, войсковой старшина, казак ст. Ханской. Командир одной из Кубанских конных батарей. Кадровый офицер-артиллерист. Богатырь ростом, умно-прост, добр. Имел Кубани, неиспользованный до конца.

27.- Москоловко Анатолий Федосеевич, войсковой старшина. Служба неизвестна. Внешний стойкий блондин, любящий поговорить.... казак ст. Новочите-ровской.

28. Ламанов Петр Антонович, есаул, интендант одного из корпусов на Побережье. Казак ст. Кавказской. Окончил З-и Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в Петербурге /кажется в 1902г./, вышел хорунжим в 1-й Кубанский полк. Потом служил в Закавказье в конно-погра-

ничной страже. В 1910 году перевелся в свой по рождению 1-й Кавказский полк, в котором и провел всю Великую войну на Кавказском фронте. Он Первопоходник.

29.- Боровик Сергей, полковник. Екатеринодарский реалист. В 1913 г. вместе со мною окончил Оренбургское казачье училище, хорунжим вышел в 1-й Хопёрский полк. Передвойной перевелся в 1-й Екатеринодарский, всю войну провел в 3-м Екатеринодарском полку на Кавказском фронте. В гражданской войне служил в Войсковом штабе. Казак богатой фамилии, имел собственный дом в Екатеринодаре. Жена только что родила "первенца". Затужил, затосковал, заболел в Ростове и был отправлен в госпиталь.

30.- Певнев Сергей Иванович. Полконик, командир Войсковой учебной батареи. Отличный артиллерийский офицер. Держался замкнуто и скромно.

31.- Певнев Константин Иванович, полковник, родной брат Сергея. Казаки станицы Таманской. С братом был неразлучен. Командир батареи.

32.- Мальчевский Гавриил Гаврилович, войсковой старшина, родной меньший брат генерала Мальчевского.

Кавказцы:

33.- Колено-Валевский Владимир Константинович, полковник, старый Кавказец, был без должности. Считался военным писателем.

34.- Храмов Иван Иванович, войсковой старшина, казак ст. Бжедуховской. Екатеринодарский реалист. В 1913 г. вместе со мною окончил Оренбургской казачьи училище и вышел в 1-й Кавказский полк. Великую войну провел на Турецком фронте в 3-м Кавказском полку, гражданскую же - вновь в своем 1-м Кавказском. Отличный гордый офицер. Помощник командира полка.

35.- Елисеев Андрей Иванович, войсковой старшина, казак ст. Кавказской, наш старший брат. Техник по образованию. На войну мобилизован во 2-й Кавказский полк. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст., коммандирован в Теляковскую школу прапорщиков на Кавказе, окончив которую в 1915 г. назначен офицером в 3-й Кавказский полк. Всю гражданскую войну провел в 1-м Кавказском полку. Помощник командира полка.

36.- Кунаковский Андрей Андреевич, войсковой старшина, казак ст. Расшеватской. Старый Кавказец из урядников мирного времени на льготе. Командир сотни 1-го Кавказского полка.

37.- Долухов есаул, командир обоза 2-го разряда 1-го Кавказского полка.

Корниловцы:

38.- Трубачев Александр Дмитриевич, войсковой старшина, казак ст. Родниковской. Окончил сотню Николаевского кавалерийского училища в Петербурге в июле 1914 г. и Великую войну провел во 2-м Лабинском полку на Западном фронте. В Корниловский полк прибыл в самом начале 1919 г. Скромный офицер. Помощник командира полка у Безладнова.

39.- Лебедев Иантелайон Ихеевич, войсковой старшина, казак ст. Лабинской. Сверхсрочный вахмистр Конвоя Наместника на Кавказе графа Воронцова Дашкова мирного времени. Отличный боевой офицер.

40.- Козлов Иван Гаврилович, войсковой старшина, казак ст. Дмитровской. Сверхсрочный подхорунжий 1-го Кавказского полка мирного времени. Отличный офицер.

41.- Друшляков Федор Матвеевич, войсковой старшина, казак ст. Ильинской Урядник Конвой Его Величества мирного времени. Спокойный, отличный боевой офицер.

42.- Клерже Александр Иосифович, войсковой старшина, родной брат генерала Клерже в Сибирской армии. Кадет Тифлисского корпуса, сотник 2-го Полтавского полка Великой войны. Первопоколник и старейший корниловец. Добрый характером, отличный офицер. На Побережье был начальником корпуса. Энтузиаст всех долго, в боях и быту, даю свою аттестацию боевым соратникам.

Офицеры учебного пластунского батальона:

43.- Богацкой Иван Матвеевич, войсковой старшина,

44.- Стрелецкий Константин Тимофеевич, войсковой старшина,

45.- Бойко Петр Яковлевич, войсковой старшина, окончивший ускоренные курсы Академии ген. штаба в Петрограде во время Великой войны,

46.- Сухино, войсковой старшина. Иногородний, уроженец г. Екатеринодара. Окончил в нем Реальное училище, приписан в казаки. Честный человек, умный, разносторонний, пропитанный казачьим духом.

46.- Красковский, войсковой старшина, казак-лабинец, бывший Московский студент - помощник командира 2-го Лабинского полка.

47.- Валуйский Иван Андреевич, казак станицы Казанской, из подхорунжих мирного времени. Помощник командира 2-го Полтавского полка полковника Дударя, его неразлучный почетный друг в плену.

48.- Банов Лука Кононович, войсковой старшина, казак ст. Спокойной - помощник командира 1-го Лабинского полка по хоз. части. В 1911 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище и вышел в 1-й Лабинский полк, в котором, за боевые отличия в Персии, против курдского племени "шаксевен", в мирное время, награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

49.- Михайлову Константин Дмитриевич, есаул 4-го Кубанского пластунского батальона. Екатеринодарец, реалист, сын полицеймейстера г. Екатеринодара - природный Кубанский казак-грек. Умнига и песельчак.

50.- Петин Алексей, войсковой старшина 4-го Кубанского пластунского батальона, казак ст. Новопокровской. Из учителей станицы.

51.- Закрепа войсковой старшина,

52.- Подпорин Федор, войсковой старшина. О них сведений не имею.

53.- Беданоков Махмуд, корнет, Кубанский черкес, возглавивший Черкесскую конную дивизию при капитуляции, за отъездом старших офицеров.

54.- Начальник штаба Черкесской дивизии - генерального штаба капитан Российской армии - высокий, стройный - фамилию не помню.

55. Корнет-черкес при Беданокове, не говоривший по-русски.

Офицеры 4-го Донского конного корпуса:

56.- Богачевский Владимир Николаевич, полковник, в мирное время офицер 10-го Донского полка, коим тогда командовал полковник П. Ч. Краснов.

57.- Ентеев полковник,

58.- Буров Петр, войсковой старшина,

59.- Кирташов Евстафий, войсковой старшина - командир полка, бывший генерала Мамантова и имел соответствующие усы.

60.- Коротков Митрофан, войсковой старшина из учителей - командир полка.

- 61.- Демидов Александр,войсковой старшина,участник Степного похода,
 62.- Волобуев войсковой старшина,
 63:- Леухов Иван Абрамович,войсковой старшина.Его багаж состоял из множества книг по философии.Книг было много,они тяжелы и мы ему помогали при передвижениях,но с книгами он совершенно не мог разстаться.
 64.- Карнаухов подъесаул. Он и его жена учители,одностаничники и соседи домами,к которой принадлежал войсковой старшина Миронов,командир Донского конного красного корпуса. Высокий сухой замкнутый человек лет 35-ти.Несмотря на свой малый чин,он был,как бы,главою Донцем здесь.Он и Леухов были оч.автоитетны.Схились,подружили.И Карнаухов оказался умным,дружественным,разговорчивым и исключительным ненавистником красных и в особенности своего станичника Миронова.

65 и 66 - Есаул и хорунжи" Донской гвардейской батареи.Они отличались своим внешним видом и костюмами,даче,и от своих донцев.На них отличная военная форма защитного времени,имели деньги.Лица свежие,даже нежные.В крупных папахах черного курпоя "с заломом".Всегда вместе - стройные,выше среднего роста.Веселые всегда между собою.По характеру,видимо,хорошие люди,но "гвардейцу" соблюдали и тогда,"чуть сторонясь всех нас"...

Штаб генерала Морозова:

67.- Штабс-капитан пехоты лет 30-ти,старший адъютант,Москвич.Энергичный,правая рука генерала Морозова,с которым был неразлучен,и ля кровать рядом.Фамилию не помню.

- 68.- Волконский Михаил Семенович,Ротмистр,скромный приятный офицер.
 69.- Перепеловский,штаб-ротмистр,Кубанский казак,стройный,замкнутый от нас офицер,воспитанный по-кавалерийски.
 70.- Хорунжий Панасенко,кубанский казак,незаметный был,
 71.- Хорунжий Приходько,Кубанский казак,незаметный был,
 72.- Хорунжий Долженко,Григорий Архипович,казак ст.Петропавловской.Окончил вахмистром Кубанское Алексеевское военное училище 2-х годичный курс - произведен в хорунжие Атаманом Букретовым и Адлером.Как к своему военному преподавателю в Екатеринодаре - присоединился к его штабу.Высокий,стройный,очень добрый офицер/человек).

73.-Хорунжий Дробышев Александр Иосифович,казак ст.Архангельской.Как и Долженко - произведен в офицера в Адлере и присоединился к штабу ген Морозова.Сын богатого отца,был студентом.Он брат секретаря - офицера Курской Рады Дробышев.Высокий стройный брюнет,гордый,учный,порой дерзкий.

74.- Подхорунжий Мишенко,казак ст.Григориополисской.Личный орцинарец генерала Морозова.Среднего роста,широкоплечий,молчаливый,ни с кем не имел общения из нас.

75.Полковник,пехотинец,воспитатель какого то кадетского корпуса.Фамилию не помню.Разговорчив,любил покушать.В Москве был назначен командиром пехотной красной бригады.

Остальных не помню,но было всех около 80-ти человек.

По фамилиям,и должностям по частям перечисленных офицеров,можно точно установить - какие части Кубанской армии прибыли в Екатеринодар.Мы тогда не знали,что соответствующий лагерь был образован и в Армавире куда и направлялись другие части нашей Армии.Урядников и казаков,постепенно,распустили по своим станицам,офицеров же - в Москву и др.северные города России.О них скажу после.

РОСТОВСКИЙ ЛАГЕРЬ.

Он был передаточным, сортировочным пунктом. Первым, кто встретил нас за воротами - был мой полковой адъютант, станичник и родич - сотник Сергей Севостьянов. Он из учителей и старше меня лет на пять. Вторым был мой постоянный конный вестовой Великой войны Федот Ермолов, казак ст. Расшеватской, награжденный в гражданской войне двумя Георгиевскими крестами, басоном вахмистра и затем чином хорунжего. Всю войну провел во 2-м Кавказском полку. Выдающийся был казак. Но мне, перед ними, было очень стыдно, что ... и я попал "сюда"... Несмотря на это - я немедленно же "наскочил" на Севостьянова - как это он ослушался и, вместо того, чтобы ждать полк в от Тифлисской - двинулся на Екатеринодар? Он оправдывался, что, думал - корпус пойдет туда же, к Новороссийску.... В Екатеринодаре же, пропав в заторы всевозможных обозов у городского сада - узнал - мост через Кубань был уже занят красными. Оставив экипаж с моими вещами/самыми цennыми для меня/с кучером Максимом из под Воронежа, скрылся у друга, потом вернулся к себе в хутор Лосев, там был арестован и препровожден суда. Скоро он будет освобожден, вновь арестован и разстрелян со своим братом в Армавире.

После нашего опроса - мы познакомились с лагерем... Это пустынь на небольшом перекате, огороженный наскоро колючей проволокой чуть выше пояса роста человека и шириной пол-сажени. Кругом два ряда часовых с винтовками, на шагов друг от друга. Первая их цепь непосредственно у проходки из астраханских калмыков, а вторая, на 50 шагов позади - русскими красногрмейцами, в интервале между ними. Стража строгая, неразговорчивая. Ей приказано стрелять в бегущих. Узнали - недавно было убито три человека, решивших бежать ночью.

Кормили отвратительно. Порою нехватало супа. Все стоят в долгой очереди, с жестянными котелками. Дают как собакам - грубо, резко, скользко. В лагерях воды нет. Ее привозят в бочках и только для питья. Все чаю воду набрасываются как полки. Чум, гам, толкотня, ругань, несутся проклятия кругом, что бы получить ее и вдруг раздатчик заявляет: - "вода окончена"...

Уборная - что то страшное: - глубокая длинная яма; вдоль нея две доски с промежутком между ними; сядись и "приспособливайся" как можешь, что бы не упасть вниз... а вонь - исключительная...

Через Ростов, поездами, следовала 1-я Конная армия Буденного на Польский фронт. Мы видим в лагерях очень много Донских казаков, тысячи. Все в длинных полушибах, в больших черных потрепанных папахах. Но вот, несколько, очень хорошо одетых - гимнастерки, в широких темно-синих шароварах с широкими красными лампасами, в сапогах, а на фуражках - маленькие металлические красные звезды. Мы в недоумении и в осторожности общения с ними. Один из них, особенно чисто одетый, очень грустный, часто проходил мимо нас. Лицо приятное, интеллигентное и мы решили спросить его - "откуда они?" И он нам поведал следующее:

"Донская конная дивизия подошли к Новороссийску, но мест на пароходах не оказалось. Потом ушли и пароходы... немедленно же пошла и красная армия в город... сопротивляться было бесполезно. Приказано было встроиться по полкам. Никого не тронули. Дали полкам свои номера и назначили их - "Донской кавалерийский" полк № такой-то", вместо "Донской казачий". В каждом полку оставили на местах весь старый командный состав офицеров и урядников, назначив в каждый полк комиссара. Вот и все"... закончил этот донец, есаул, командир полка, добавив: - "у нас было нас двадцать две тысячи шашек"...

"Потом послали нас против Кубанских зеленых. Жилес не плохо. А теперь, когда полки проходили Ростов на Польский фронт - снимают подозрительных

и вот мы здесь... В особенности виноваты они чинов Мамонтовского корпуса, которым пощады нет за их участие в прорыве" - закончил печально он.

Только здесь, и впервые, мы узнали о трагедии Донской армии, произшедшей в Новороссийске; удивлялись, возмущались и горько сочувствовали ей.

Судьба, и Донской и Кубанской армиям - была почти аналогична.

По вечерам, громаднейшие гурты Донских казаков, в северо-восточном углу лагеря, пели свои старинные, очень тягучие, песни. Подобная песня я слышу впервые. Они их пели молитвенно, словно взывали к Богу о своей неволе. В тишине ночных лагерей, при тусклом свете фонарей - их песнь лилась далеко за проволоку молчаливой красной охраны без протеста.

При нас был арестован известный красный командир конного корпуса Думенко, так долго и довольно удачно бывший против нас. Его части проходили поездами через Ростов на Польский фронт; он лично был задержан и отправлен в Азов, в тюрьму. Но очень удивило, что власть посмела арестовать такого популярного конного начальника, принесшаго много пользы советской власти и что - корпус его не отстоял. И получали газеты, в которых прочитали, что - "при невыясненных обстоятельствах, был убит комиссар его корпуса, родом грузин, в гибели которого подозревался сам Думенко, т.е. - это он приказал убить своего комиссара, с которым очень не ладил". В обвинительном же акте, было другое - "за присвоение себе больших сумм денег".

В газете приведен и диалог, который был между предс. суда и Думенко. Вот он дословно:

"Правда ли, что Вы были ротмистром?"

"Нет.. я был только взахмистом кавалерии", ответил Думенко.

"Вы, по должности командира корпуса, получали жалованье 2.000 рублей в месяц - откуда же у Вас, при обыске, нашлась такая большая сумма денег?" переспросил председатель суда.

Это было "главной виной Думенко официально". Странно было то, что читая это, мы полностью сочувствовали Думенко. Слышали, что его корпус хотел выручить своего молодецкого командира, но власть все предусмотрела: - суд был в Азове, т.е. в стороне от Ростова, очень скрытый и... Думенко был разстрелян немедленно же там, в Азове.

- . -
Генерал Морозов эпизодически протестовал, что нас посадили в лагерь. Протестовал он лично, по своей инициативе, никого не спросил, даже, и генералов. В протесте он указал, что "мы сдались добровольно, по условиям с красным командованием, которое нарушено"...

Если нас и оскорбляли его доводы, что "мы сдались добровольно" чего, конечно, не было /нас ведь сдали!/- мы все же, не протестовали, что бы избавиться от лагерной неволи.

Нас вызвали в город, в "чека", для допроса. Допрашивали персонально, по списочке, вежлив. У меня спросили фамилию, чин и должность. Перед следователем лежала очень толстая книга в черном переплете. Он открыл ее, просмотрел и сказал:

"Вашей фамилии у нас нет... а вот Савицкого - нет ли среди Вас?" Я ответил, что такого человека среди нас нет, а о кем Савицком он спрашивал - не знаю.

Опросив всех и узнав, что мы "Морозовцы" - так нас потом называли красные, сказали, что наведут справки - "как капитулировала Кубанская армия и примут решения". И сно принято было скоро. Власть уведомила генерала Морозова, что: - "т.к. группа состоит из высоких начальников, то все будут отправлены в Москву, в главный штаб, где и получат назначения на Польский фронт для защиты отечества"... Это нас не порадовало, т.к. защищать красную Россию, в разговоре между собою, никто не хотел.

"ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ-ПРОЩАЙ" и.... НА МОСКВУ.

Всю нашу группу в 80 человек проводили к вокзалу. Поезда еще нет и все расположились в жел.дор.садике "по-цыгански". Совершенно неожиданно, к нам приехали из станицы жена брата и Надюша. Это было так котати - хоть два живых лица с родной Кубани прибыли, словно гонцы с родных полей, что бы проводить нас всех здесь узников "страны родной", в далекий и неведомый нам путь...

Мы голоданы. Всик стремиться что то достать, покушать. Отлучаться запрещено. Стоит конвой.

"Пойди, Надюша, купи - кому провизии, кому кусочек мыла, иному табаку, иль - опусти письмо на родину-Кубань!" - прошу ее.

В станичных мягких "козловых" башмачках-чевяках, в коротенькой юбченке девушки-подростка и в беленькой косынке с кружевами, с услужливо послушной улыбкою сквозь слезоньки на ласковых глазах в предверии мучительной разлуки с братьями - она спешила угостить-помочь нам всем, что бы хоть как-нибудь, что бы хоть чем-нибудь исполнить, облегчить желания нас всех, увы - невольников...

Послалчи на толкучку и еще купить нам "что-то". Вернулася в слезах: пока она выбирала - голь босицкай сташила у нея кошелек с деньгами. Успокоил и приласкал.

"Пробежи, Надюша, и еще к знакомому семейству /по Майкопу/, с занской благодарственной за книги на дорогу", сказала я ей.

Встав молча и послушно и ласково взглянув на нас - она пошла. А нужно проножал ее глазами вслед, разматривая ее походку торопливую. Как бы с видетельствую - "подожди... я скоро вот вернусь" - она, перед углом улицы, к нам оглянулась, еще раз нежно улыбнулась и скрылась за забором. И... кто бы тогда поверил, что - это был ея "последний взгляд"... Она вскоре, в этом же году, умрет жестокой и насильтвенной смертью.

Прошли минуты... всего две-три... нам неожиданно подали вагоны для скота и... поезд двинулся на север. Ее, сестренушку Надюшу, я больше уж не видел на этом свете...

- В экипажике городского извозчика, и вагонам под, ехал комендант города. Вызвал генерала Морозова. Подошли и некоторые из нас, послушать. Интеллигентный видом сухощавый человек лет 30-ти от роду, сидя в экипажике, говорит-разказывает Морозову, что он в прошлом штаб-ротмистр одного из кавалерийских полков. Служит исправно и красной России. Два раза был в нашем стане и сумел купить в армии генерала Май-Маевского несколько вагонов "чего-то" и препроводить к своим, к красным. Говорит гладко, не хвалясь, а, как-бы, рассказывая. Морозов стоит "вольно", слушает его, чуть улыбается, но ничем не реагирует. И тоже - стоим поблизости и слушаем. Слушает и извозчик и начальник нашего караула. А потом он подзывает последнего к себе и строгим, начальническим тоном, говорит ему:

"Смотри!... это наши бывшие враги. Но сейчас - друзья. Никаких насилий над ними - дороге. Ты сюда вернешься. И если я узнаю о произволе над ними - предам суду военно-революционного трибунала".

Начальник караула стоял "на вытяжку", внимательно слушал приказание, а последние слова "о предании суду военно-революционного трибунала", были для него, видимо, из простыми словами. И мы невольно обратили внимание на своего, теперь, конвояра. В нем ничего не было "красного". Перед нами стоял подтрунивший солдатик белой, возможно сержант или младший унтер-офицер

крестьянин с серьезными и добрыми серыми глазами, с хорошей военной выправкой и, видимо, думал - хоть бы скорее скончить эту надоевшую ему службу, вернуться в свое село и... работать.

Мы в двух вагонах. Длинный поезд красных товарных вагонов стал тихо маневрировать, что бы перейти на главный путь в Москву. Нюра, жена брата, печальная и молчаливая как смерть, что бы и еще как можно глубже наглядеться на своего мужа - она отходила все дальше и дальше в сторону от маневрирующего поезда по паутинам рельс, изредка махая нам платочкам свое последнее "прости-прощай"...

Стоя с братом у открытых дверей вагона - беспокойными глазами напрасно силился я разыскать хоть издали возглашающуюся Надежду... Она опоздала вернуться. Наконец наш поезд закругленно повернул направо и скрыл от нас и Нюру.... С тех пор и ее я больше не видел. Погибла и она где-то...

Дочь атамана, урядника Конвой Императора Александра З-яго. Семья ставропольская, твердая в своих убеждениях стародавних казаков и патриархальной жизни. Хорошо громотная казачка, видная собою брюнетка, преданная жена - что она тогда переживала, разставаясь с мужем - трудно списать.

Трагедия Казачества коснулась не только что самих казаков-воинов, но и их семейства. Для Истории - поведаем печаль свою....

КАРТИНЫ В ДОРОГЕ НА МОСКВУ.

Наша первая большая остановка поезда в Новочеркасске. Некоторые из нас с удовольствием купаются в реке Аксай. Река тихая, вода чистая. Генерал Морозов оказался большим любителем купания и отличным пловцом. В город нас не пустили, но у вокзала ходили свободно, покупая продукты у торговавших баб. По поднимающейся от вокзала улице в город - погнали под сильным конваем большую группу Донских казаков.

Двинулись дальше. В нашем вагоне Корниловцы, Чапаевцы, Лабинцы, учебники - пластуны и другие молодые штаб-офицеры. Генерал Морозов со своим штабом, с генералами и старыми полковниками в переднем вагоне. Бхали полъготно. От жары - размешались, даже, на крыших вагонов.

В каждом вагоне красноармеец с винтовкой. В нашем вагоне - здоровый молодой 22-х летний парень, русый, с открытым лицом, в потертом обмундировании и... босиком. Охрана нас, белогвардейцев, его совершенно не интересовала. Поставил винтовку в угол вагона, сел у двери, спасибо босня ноги и что-то напевает. Сидим и мы с ним рядом. И разговорились...

"Как твое имя?" спрашивает кто-то.

"Лиляндра"... отвечает коротко. Его ответ, сразу же показал нам - что он Конечно - расспросы - какой губернии? почему в красной армии и пр? Оказывается - он из Астраханской губернии, но по левую сторону Волги. Он видел белых... "При них было хорошо... потом пришли красные и мобилизовали молодежь... но сапог не дали"... И он все равно "как-нибудь, но убежит домой", закончил парень.

Всю дорогу до Москвы в течении двух дней - он неизменно исполнял все поручения наши - купить что, иль принести кипитку.

Богатырь мужчина с мощной душой и голосом, войсковой старшина Березлев сидит в открытых дверях вагона, спустив ноги вниз. Подходит "Лиляндра", присаживается рядом и говорит:

"Эй!.. подгинься товарищ!"...

"Да не товарищ я тебе, а господин полковник!.. ишь, сверстника нашел! А то, вот, как двину т тебя, так и выпетиши из вагона!" - резко и серьезно отвечает ему Березлев, казак станции Ханской и командир батареи. Наш конвой смущился, ничего не ответил и тихо присел. Ну, а потом, мн их "помири-

ли".." уж больно хороший парень был этот Ляксандра.

Но вот он сменен. Вместо него стоит аккуратно одетый и серьезный красноармеец. Стоит в углу с винтовкой и с нами не разговаривает, но внимательно смотрит на нас.

"Откуда будешь, земляк?" - спрашивает кто-то.

"С Кубанской области" - вдруг отвечает он. Нас это передернуло.

"Иногородний?.. из города?.. из какого села?" - забросали его.

"Из станицы Петропавловской" - отвечает он.

В нашем вагоне сидит хорунжий Долженко этой станицы. Услышав его слова, он подходит к нему, рассматривает в его лице, но не узнает знакомого. Во всяком случае, вступает с ним в разговор - где он жил, кого знает в станице? - как контроль. Оказывается, он с самого начала был в красной армии, у Сорокина, которого хорошо знает, как своего станичника и начальника.

Красноармеец умный, говорит не торопясь, думая и зная - что говорит. Вот его слова:

"Сорокин не был красным по настяющему. Но он не был и за Деникина. Он хотел сделать что-то свое и, во всяком случае, не коммунистическое. Он был очень умный человек, сильно военный, удачно командовал и был очень популярен тогда в своей армии. И очень жаль, что он погиб. Я был в его личном конвое, почему многое знаю", - закончил он.

На наш вопрос - "ну, а теперь, как в красной армии? что она хочет?" - он ответил:

"Хотеть уже нельзя... надо исполнить то, что прикажут. А деваться некуда"...

После такого признания, этот наш бывший враг, стал нам своим человеком, а для доброй души хорунжего Долженко, скончавшего пожизненное военное училище - он стал "другим станичником".... Такова ирония судьбы.

Мы проезжаем по Донской области, где жизнь идет, как будто, нормально и где, на вокзалах, можно достать съестное. Но вступаем в Воронежскую губернию и... все переменилось. Мы вступили, словно, в другую страну. Толпы крестьян, в своих длинных кафтанах-серингах демонтируют издалека, в лентах, длиннолопастные, изможденные голodom, запуганные - они ребко окружают вагоны поезда, прибывшего "с сибирского юга" и тупо смотрят на нас. Смотрят тупо и робко своими печальными глазами, полными тоски и голода. Они не знают - кто мы. Наш вид еще не был отощалый. Смотрят на нас боязливо, а потом, какой-либо из них, так печально, задушевно, спросит:

"Товарищи... дайте хоть махонький кусочек хлеба"...

Мы проходим полосу Мамонтовского рейда по тылам красных. Разрушений сделано, действительно, много. С нами едут Донские офицеры, участники рейда. Быть бы их не узнали жители - они не выходят из вагонов. Но, оказалось - жители были очень довольны рейдом, т.к. им многое досталось от разгребленных запасов красного индустриала. И оглянувшись, что никого нет из подслушивающих - до сведения: - "всего было тогда в достатке, а теперь - мы голодаляем"...

В МОСКВЕ. ФИНАЛ...

До нея ехали ровно два дня. Поезд остановился на како-то тупиковой станции. Наши два вагона отцепили и поставили изолированно между многочисленными жел.дор.путями, на которых было очень мало поездов. Генерал Морозов, со своим старшим адъютантом штабс-капитаном и начальником конвоя отправился в самой Кремль по указанному адресу на большом запечатанном пакете, в котором видимо, находился наш список. Вернулся он не скоро. Мы ждем его с понятным волнением. Он возвращается, улыбается нам как-то загадочно и, что бы всем было ясно и понятно - передает кому-то свой большой

секретный пакет из Ростова в Москву, на котором, синим карандашем, в левом нижнем углу, крупно, по диагонали, красивым подчерком написано:

"Отправить в Кострому, в губ-чека, для фильтрации Деникинских офицеров".

Эта надпись повергла нас в уныние и, даже, страх. "Для фильтрации... з губернское чека" - это же посылают нас на разстрел, да еще в такую глушь - было общее мнение. Что же делать?... что же делать? поднялся у всех вопрос.

Мы знали, что в Кремле, при Центральном исполнительном комитете народных комиссаров, существует "казачий под, отдел", так называемого "трудового казачества" но по нашему - "пролетельского казачества". Хотя, в нашем сознании, он был одиум казачьяго зла, еще более гадливое чем другие красные, но он мог быть единственным, могущим заступиться за нас.

Кто-то узнал, что из Екатеринодара только что прибыл сюда Ян Полуян, председатель совета Кубанской области. Указали, даже, на его вагон З-яго класса, стоявший недалеко от наших. Надо обратиться к нему, говорили. Но - кто его знает? Кто с ним знаком? - спрашивали мы друг друга.

Знакомых не нашлось. С полковником Фоменко, все же, идем к вагону Яна Полуяна, как уполномоченные. Вагон маленький, грязный. Возле него стоят человек шесть Кубанских казаков, в чем сомнений не было, но кто они - мы не могли узнать. И не узнали. Упитанные лица, чисто выбритые. Богато и щегольски одеты. Все были в белых или защитных длинных гимнастерках, в офицерских диагональных бриджах, в шевровых сапогах на каблуках с высокими голенищами. Все при дорогих серебряных кинжалах. Все в черных крагулевых попахах. Одеты были чисто по-офицерски, но они не были офицерами, что мы с Фоменко уловили сразу же. Так одеваются только писари высоких казачьих штабов. Наш же вид был полной им противоположностью, к тому же очень патетичный и помятый.

Подойдя к ним, мы коротко козирнули и спросили - "могно-ли видеть товарища Яна Полуяна"?

"Нет... он уехал к себе на квартиру и мы сами его не застали здесь", ответили они.

"А кто Вы?" вежливо спрашиваем их.

"Мы члены казачьяго под, отдела трудового казачества в Москве", ответили
"Вы Кубанцы?" - допытываемся.

"Да, Кубанцы... а Вы что хотите?" - переспрашивают. И мы им сообщили
"кто мы и зачем пришли"...

Наше откровение к ним не только что не понравилось им, но, как-бы, умудрило их достоинство, что они, вот, говорят с бывшими белыми полковниками Кубанскими казаками, их бывшими врагами. В душе клокотало, смотря на этих разжигавших казаков в Москве, представлявших собою, почему-то "трудовое казачество"... и к тому же - наше Кубанское казачество. Куткое сознание. Защиты мы не попросили от них и вернулись ни с чем к своим вагонам доблестного Кубанского офицерства, попавшего в красную неволю.

Ночью наши вагоны перепели на Рыбинский вокзал, для препровождения в Кострому.

11 марта 1964г.

Нью-Йорк.

Полковник Елисеев.

Я получил несколько писем от очень почтенных читателей-казаков, которые просят описать все подробно - что дальше произошло? Вот почему я и не вместили "конец" в эту брошюру. Он будет в следующей, №11-м.

С. Е.

ДОПОЛНЕНИЯ И РАЗЯСНЕНИЯ: /на запросы читателей/.

Групповой снимок на обложке брошюра "Лабинцы и последние дни на Кубани" - это есть урядники-старики нашей Кавказской станицы. Станичный историк, Войсковой Старшина в отставке Антон Данилович Ламанов, соратник по Туркестану генерала Скобелева в чине Хорунжего, старовер, сын "первых поселенцев" из Донских казаков Нижне-Чирского района, обръзовавших нашу станицу - написал книгу о переселении Донских казаков на Кубань в 1794 году, с подробным описанием и образованием и быта Кавказской станицы и староверческого движения в ней. Бываясь очень популярным казаком-офицером в станице, живя давно в отставке, он сделал очень много фотографических снимков замечательных казаков и урядников станичников на военных и церковных поприщах, которые и поместил в своей книге. Я их имею. И как самый образный и красивый из них - поместил на обложке Георгиевских кавалеров-станичников Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. и урядников-конвойцев, "Собственного Его Императорского Величества Конвоя" - /как он официально назывался/- Императоров Александра 2-го, Александра 3-го и Николая 2-го. Снимок сделан в 1914 году. Вот их фамилии:

Георгиевские кавалеры, ветераны Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. -
 1. Ф. Дмитриев, 2. Илья Иванович Диленко, он же и урядник Конвоя Императора Александра 3-го, великан-казак, могиан-казак, черный как жук. Разстрелян красными 24-го марта ст.ст. 1918 года после н-шего неудачного Кавказского восстания. 3. А. Нестеров, 4. Семен Иванович Наумов, вахмистр, старовер. Георгиевским крестом награжден участвуя в подавлении "Боксерского восстания", почему в станице прозван "китай". Последний станичный атаман в 1920 г. 5. А. Орешкин, 6. Шерстобитов, 7. Петкевич.

Урядники-конвойцы на льготе, в запасе, в отставке: 8. Гавриил Герасимович Булдыгин, сын офицера Кавказской войны и "начальника станицы" по тогдашнему положению. Богатый человек, получивший от отца "офицерский участок" в 200 десятин в юрте станицы. Вахмистр Конвоя Императора Александра 2-го. Высокий стройный крупный мужчина. Долгий атаман станицы. Умный и строгий. При своем атаманстве построил в станице Войсковую больницу и здание 2-х классного училища. В станице его уважали и боялись. Летом 1918 года, по ходатайству станичного сбора Войсковым Атаманом генералом Филимоновым, произведен в чин Хорунжего. Летом 1920 г. в массе Кубанской служебной ясной интеллигентии был сослан в Холмогоры, где все они и погибли. 9. А. Чеплыгин, станичный атаман. Умер в 1915 году. 10. И. Шатохин, старовер. 11. П. Рытов и 12. В. Смольняков - конвойцы Императора Александра 3-я. 13. Е. Ермаков /имел бедное хозяйство/, 14. А. Стукалов, 15. А. Брокин, 16. Севостьянов, 17. Иван Яковлевич Назаров - наездник, песенник, танцов. В брошюре №9, на стр. 17-18 - описано, как его ограбили красные под Туапсе. Разстрелян красными с братьями своими, 18. Н. Бунев. Не отмеченные - они были в Конвое Императора Николая 2-го.

На снимок попали не все конвойцы и Георгиевские кавалеры, видимо, за житейской суетой. И это есть "третья группа". Имею и группы №№ 1 и 2-й.

В каждой станице были свои герои и служившие в Конвое при Русских Императорах, только их не сумели приподнести для Войсковой истории. Это есть наша "казачья слабость", которая непонимается до сих пор...

Кавказская станица - самая старая на Линии. В ней - Управление Кавказского Отдела, штабы - льготного 2-го Кавказского полка и 10-го пластунского батальона. В силу этого - в станице живет много офицеров, а отсюда - казаки-кавказцы подтянуты воински, югольски, имеют знакомства с офицерами и, при наборе в Царский Конвой - имеют естественную протекцию. По наездничеству и джигитовке - станица всегда брала первенство. Вот почему в Конвой к Императорам, Кавказцев поступало/принималось/ больше, чем от других станиц. Ф. Елисеев.